

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки — ландлорд

Я не поверил глазам: по синеве неба плывет закрученная спиралью гигантская ракушка. В такие, я видел, живут морские моллюски. Только эта размером с авианосцу и голодно поблескивает в лучах восходящего солнца воронистой сталью.

Донесся далекий лязг, словно огромный небесный рыцарь наступил ступней на истребил медведя.

Гай Юлий Орловский Ричард Длинные Руки – ландлорд

Серия «Ричард Длинные Руки», книга 12

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148023

Орловский Г. Ричард Длинные Руки – ландлорд: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-18915-7

Аннотация

Я не поверил глазам: по синеве неба плывет закрученная спиралью гигантская ракушка. В таких, я видел, живут морские моллюски. Только эта размером с авианосец и холодно поблескивает в лучах восходящего солнца вороненой сталью.

Донесся далекий лязг, словно огромный небесный рыцарь застегнул стальной панцирь. Ракушка медленно повернулась на ребро. Нижнее кольцо дрогнуло, выдвинулись еще два. Последнее широким темным раструбом нацелилось на проплывающую внизу землю...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	59
Глава 6	84
Глава 7	95
Глава 8	108
Глава 9	119
Глава 10	137
Глава 11	149
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – ландлорд

Часть 1

Глава 1

Несмотря на ранний час, припекает сильно. Небо из голубого стало белесым, морские волны катятся замедленно, отсвечивают оловом, но, когда копыта Зайчика застучали по деревянному настилу причала, я наконец рассмотрел сверху, что вода все-таки прозрачная, зеленоватая, а на далеком таинственном дне видны камешки и осторожно передвигающиеся крабы.

Яргард с мостика сыпал веселой бранью, матросы таскают связки канатов, рулоны парусов, что-то закрепляют, кто-то полез на мачту, на корабле предпраздничная суета, что значит – вот-вот попутный ветер наполнит паруса, корабль гордо и красиво помчится на другую сторону океана.

Первым меня увидел и узнал Сенешаль, закричал, замал руками. Матросы остановились, глаза, да и есть, чего

греха таить, на что: хоть Зайчик, хоть Пес, а главное – я, само совершенство...

– Сэр Ричард, – прокричал он издали, – неужто все бросите?

– Да бросать нечего, – ответил я.

– Не передумали? Теперь вы богаче иного графа...

– Я и раньше не был бедным, – буркнул я. – Или не верили?

Он развел руками.

– Да не то чтобы не верили, но в нашем деле нужно быть осторожным.

Пес первым вбежал на палубу, народ шарахнулся, а Зайчик взошел по сходням величественно, как царственный верблюд, остановился, спокойный и неподвижный, я соскочил, крикнул Яргарду:

– Приветствую, капитан! Я рад, что не опоздал.

Яргард облокотился о перила, глаза его внимательно изучили собаку, коня, потом вперил взгляд в меня.

– Через час отплываем, – сообщил он. – Если не успели с прощаниями, сожалею. Увы, упускать попутный ветер – грех. Такое морские боги не прощают.

– В море еще старые боги рулят? – спросил я.

Он поморщился.

– На всякий случай и с ними не ссоримся. Хотя стараемся быть хорошими христианами. Гез, покажи графу, где придется коротать путешествие. Не апартаменты, не взыщите...

– Все в порядке, – заверил я. – Я не родился графом.

Он кивнул.

– Да это видно...

– По чему?

– А как город на уши поставили. Весь порт только о вас говорит. Вы наш герой!..

– Ваш?

– Ну да, разве не будете строить новый и обязательно большой порт?

– Буду, – признался я. – Уже сегодня начнут! А куда поставим Зайчика? Это моя смиренная лошадка.

– Вы лошадкой называете вот этого слона?

– Какой слон? – обиделся я. – Где хобот? Где бивни?

Яргард почесал в затылке.

– В самом деле, нет... Как я сразу не заметил. А по росту вроде слон.

За нашими спинами охнуло, матрос задрал голову, глаза выпучились, как у рака. Я взглянул в небо и тоже охнул. В синеве плывет безмятежно закрученная по спирали гигантская ракушка. В таких, но в тысячи раз мельче, живут морские моллюски. Волны в изобилии усеивают ими берега в час прилива. Только эта размером с авианосец и холодно поблескивает в лучах восходящего солнца вороненой сталью.

Мы ошалело провожали ее взглядами. Громадина уплывает в потоках воздуха неспешно, как облачко, как невесомый воздушный шар. Опустела тысячи лет назад, мелькнуло

в черепе тоскливое. Умер не только экипаж, но рассыпались в пыль даже хитроумные двигатели... И не уплывает, просто ее уносит потоками воздуха.

– Почему?.. – прошептал Сенешаль. – Почему... не падает?

Для верхних слоев, сказал трезвый внутренний голос, где атмосфера пожиже, слишком тяжела, а для нижних – легка. Вот и болтается посередине, как говно в проруби. Кто-то уравновесил... или само так получилось...

Ракушка в недостижимой выси прошла над бухтой, мы неотрывно смотрели вслед, как вдруг из поднебесья донесся далекий лязг, словно огромный небесный рыцарь застегивает стальной панцирь. Ракушка медленно повернулась на ребро, продолжая двигаться в потоках воздуха с громоздкой неспешностью дирижабля. Нижнее кольцо дрогнуло, удлинилось, добавились еще два, последнее широким темным раструбом нацелилось на проплывающую внизу землю.

Мое сердце отчаянно забилося. Тело на палубе, а душа подпрыгнула и, отчаянно трепыхая куцыми крылышками, взлетела и цеплялась за небесный металл, отыскивая дверь.

– Что это? – прошептал я потрясенно.

Капитан Яргард перекрестился, другой рукой суетливо щупал амулет на груди.

– Порождение Юга, – прошептал он еще тише.

– Вы такие уже видели?

– Видел разок... Но не такую.

За нашими спинами боцман сказал хриплым голосом:

– Не к добру это... Не к добру!

– Знамение, – произнес Сенешаль значительно. – Знамение.

Ракушка скрылась, Яргард опомнился, пинками и руганью разогнал матросов по кораблю, пора поднимать паруса, только я, замерев, смотрел ей вслед. Есть ли там люди? Или же сопит и трудится одна автоматика?

На корабле несколько тесных каморок, одна из них моя. Я вошел, пригибаясь, огляделся. Одна-единственная лавка, она же койка, и, что удивило, откидной столик, как в самолетах высокого класса, только побольше. Насколько помню, в эти времена такие столики не водились. Понятно, позаимствовали с Юга...

Сердце бьется часто и взволнованно, не нахожу себе места. Сверху через тонкие доски доносятся крики и команды, стук сапог и деловой шум.

Я шагнул к лавке, сердце едва слышно трепыхнулось в радостном предчувствии. Я вздрогнул от кончиков ушей до пят, огляделся, воздух затрещал, как при сильнейшем электрическом разряде. В двух шагах возникла шаровая молния. Ее трясло и дергало, но выдержала напор хаоса и разрослась в плазменную фигуру человека.

Я отступил, инстинктивно прикрываясь ладонью, но огонь не жжет, на чистый свет первого дня творения можно смотреть во все глаза, не щурясь. Фигура укрупнилась,

характерный размах плеч и могучие руки, только лицо осталось сгустком огня без намека на глаза и рот.

Голос прозвучал сильный и мощный:

– Ричард... король Барбаросса смертельно болен...

– Тертуллиан! – вырвалось у меня радостное. – Ты все-таки сумел!

– Это сумел ты, – донеслось из сгустка огня. – Твой дух...

Треск разрядом заглушил, фигура деформировалась, силы космоса стремятся разрушить упорядоченную структуру, вернуть в стандартную шаровую молнию. Искаженный помехами голос прозвучал громко и отчетливо:

– Помоги... ему...

Я помотал головой.

– Прости, корабль уже отчаливает.

– Это... нуж...

– Нет, – сказал я резко.

– Тысячи людей умрут... монастыри будут разрушены... Сгорит... а Тьма... восторжествует...

Голос оборвался, фигура уменьшилась до шаровой молнии, а та с жутким треском взорвалась. Меня швырнуло на переборку, в голове грохот и боль во всем теле, я в испуге залечил в себе все ушибы и поднялся. Во рту соленый привкус, но даже кожа на костяшках пальцев уже под лохмотьями содранной розовая, чистая.

На языке остались слова, что я так долго шел к Югу, что он уже по ту сторону океана, что ничто меня не сдвинет и

не остановит...

Пес поднял голову и смотрел выжидающе. Я зло и отвратительно выругался, потом еще и еще раз, но злость и бессильная тоска не уходили и не рассасывались, а чувствовать себя говном, ох, как не хочется, это другим могу казаться орлом, но себе цену знаю.

И все равно я плыву на Юг, сказал я себе резко. Всех не наспасаешься. Да пошли они все на хрен, я и о себе должен подумать. В конце концов я чего-то стою, так что не надо мне о высших ценностях. Сейчас каждый за себя, один Бог за всех...

На лавке в поле бокового зрения возникла фигура. Я то-ропливо повернулся, в глаза бросилось знакомое удлинненное и с заостренными чертами лицо, красивый излом бровей и насмешливо прищуренные глаза.

На этот раз он в красивом темно-зеленом камзоле, скромном и со вкусом отделанном на воротнике золотом, единственное украшение. Я пялил на него глаза, еще не придя в себя от появления Тертуллиана, а Сатана мягко улыбнулся.

– Вы всякий раз так удивляетесь, сэра Ричард!.. А ведь это вы меня призвали. Как и все предыдущие разы. И хотите, чтобы я сказал вам простую и понятную истину: в мире везде несчастья, везде проливают слезы сироты и вдовы, везде несправедливость... Сэр Ричард, вам не поспеть везде! Да вы и сами это понимаете. Гм, понимали...

Я вскрикнул в бешенстве, но уже на самого себя, на свою

дурость:

– Знаю! Но там умирает Барбаросса!

Он хмыкнул:

– Король... Не потому ли спешите?

В его черных, как бездны космоса, зрачках зажегся огонек интереса. Я огрызнулся:

– Мне от него ничего не надо! Но он лучше многих... Потому не бросаюсь помогать всем-всем обиженным на свете, да хрен с ними, их слишком много, но Барбаросса намного лучше... и достойнее. Я не мать Тереза, чтобы ринуться в Африку каких-то там бушменов или готтентотов лечить от запора. Да, буду помогать только своим друзьям! А еще и тем, кого считаю очень хорошими людьми... да и то, если делать больше ни фи́га не надо. Я же демократ!

Он напомнил с непривычной ранее резкостью в голосе:

– Вы уже на палубе корабля. Капитан подгадал к мистрально, это такой ветер, что понесет вас через океан по прямой, не нужно даже галсами... Такая удача выпадает редко! Пребывание на Юге даст вам больше, чем десять таких королей, как Барбаросса!

Я оскалил зубы в невеселой усмешке превосходства.

– Я слышал, что все ваши расчеты абсолютно верны. И что никогда не ошибаетесь.

– Да, – отрезал он настороженно, – и к чему это?

– Теперь знаю, – сказал я без злобы, но с той же ноткой превосходства, – где вы все-таки ошибаетесь.

Он ответил резко:

– Я никогда не ошибаюсь. Никогда!

Я покачал головой.

– Нет, вы всегда знаете, как поступить правильно. А это не одно и то же.

– Это значит, – сказал он уже спокойнее, – что ошибаюсь не я, а вы, люди. Но вы сами видите, сэр Ричард, что ошибаются все меньше и меньше. Иначе не поднимались бы по дороге прогресса.

Я развел руками.

– Да, тут мне крыть нечем... Эй, Зайчик!

Над головой послышался топот, я почти видел, как огромный черный конь появился около двери так резко, словно и стоял там.

Сатана спросил с сомнением:

– Я все еще не верю, что вы способны на такую дурость.

– Я человек, – ответил я гордо. – А человек способен еще и не на такую!

Я торопливо поднялся по лесенке на палубу. Зайчик похож на демона из ада, грива развевается, глаза горят багровым огнем. Тут же появился Пес, пасть распахнута во всю ширь, клыки блестят, длинные и загнутые, как у саблезубого тигра. Я вставил ногу в стремя, за моей спиной капитан вскрикнул пораженно:

– Сэр Ричард! Что случилось?

Я поднялся в седло и, приподнявшись в стремях, заорал

зло:

– Смотрите на меня! Смотрите все! Второго такого дурака увидите не скоро!

– Да что случилось?

– Зов, видите ли, услышал!..

– Зов? – переспросил он тревожно.

– Да, зов, – крикнул я с сарказмом. – Сперва, мол, думай о родине, а потом – о себе! И вот я, идиот, откликаюсь на этот зов... во имя какой-то и чьей-то там сраной родины, а свои интересы... эх, в такую глубокую и вонючую задницу...

Корабль начало разворачивать в сторону открытой воды. Зайчик прынул ушами и посмотрел на отодвигающийся берег. Капитан крикнул предостерегающе:

– Эй-эй! Сходни убрали!

– Если бы меня это остановило, – бросил я с тоской. – Как бы я этого хотел...

Зайчик пошел в галоп, моряки с криками расступились. Грохот копыт нарастал, палуба стремительно убегает под нами, мелькнула корма, а за нею уже широкая полоска воды. Сердце на миг остановилось в страхе, толчок, меня вжало в седло, встречный ветер стремился выдернуть из седла, затем удар копытами о твердое, взлетели тучи мокрого песка.

Я торопливо оглянулся, на волнах быстро уходит отброшенный копытами Зайчика корабль с поднятыми парусами. Я стиснул челюсти и выругался в полнейшем бессилии и неумении сделать хоть что-то. Зайчик всхрапнул, начал на-

бирать скорость, ибо Пес вошел в азарт и несется во всю прыть, обогнав его на три корпуса.

Я вжался в Зайчика, длинная густая грива укрыла меня, как силовым полем, я только слышал над собой рев урагана. Тело Зайчика постепенно разогревается, как болид, влетающий в атмосферу.

Пес иногда обозначает себя гавком, то веселым, то сердитым, мне бы так его понимать, как понимает Зайчик. После пары часов бешеной скачки я ощутил, что скорость и темп изменились, велел перейти на простой галоп, поднял голову.

Впереди во всей красе вздымается Хребет. Даже отсюда видно, что гребень дырявит небо на той высоте, где пилоты не снимают кислородных масок. Ни зверь, ни птица, ни даже человек не в состоянии перейти с одной стороны на другую... если бы не узкая щель, прорезанная Неведомыми в самом низком месте Хребта и почтительно именуемая Перевалом. Есть еще один, но там, судя по смутным разговорам в Тарасконе, что-то стряслось, и ни один караван не в силах перейти на ту сторону. Так что только этот, где я совсем недавно... а как давно это было!.. ехал в эту сторону, рассчитывая сразу на корабль, наивный дурак... Вот так всегда в жизни...

Глава 2

Офицер, начальник Караула на перевале, встретил меня, как старого знакомого: не так часто кто-то решается перебраться на ту сторону, а я так вообще вроде голодного таракана, что в поисках еды носится с кухни в комнату и обратно.

Рассказав новости, я пустил Зайчика вниз. Пес снова впереди, сейчас дорога резко замедлилась, хотя Зайчик прыгает так, что стадо горных баранов удавится от зависти, но с его весом приходится осторожничать, иначе окружающая среда поможет нам спуститься быстрее, чем планируем.

Когда две трети хребта уже над головой, а внизу последняя треть, я увидел, как среди снегов закованный в железо рыцарь упорно бьется с громадным чудищем, похожим на огромного кабана, вставшего на задние ноги. Но этот кабан в панцире, в руке громадная дубина, а удары рыцарского меча, похоже, только высекают искры о каменную шкуру.

Зайчик остановился, я опустил ладонь на меч. Вмешаться сейчас – это либо спасти рыцарю жизнь, либо он вызовет меня на поединок за оскорбление: ишь, счел его слабым! Но и стоять вот так и смотреть...

– Вперед, – сказал я Зайчику с досадой. – Это не наши разборки.

Пес уже несясь обратно, однако Зайчик с такой скоростью перешел в галоп, что Пес остался далеко позади.

Я подумал хмуро, что неизвестный рыцарь расскажет, если останется жив, о странном видении человека на огромном черном коне и с огромной черной собакой, который появился как будто из ниоткуда и так же быстро исчез. Возможно, назовут меня каким-нибудь Снежным Всадником, а потом образ начнет обрастать подробностями и приключениями.

Еще ниже увидел караван из пяти навьюченных лошадей, люди идут пешком, а впереди высокий старик с длинной бородой. Караван остановился, старик вышел вперед и потряс руками.

Я не понял, что он там колдует или призывает, но донесся грозный гул, с ближайшей горы струнулась масса снега и пошла лавиной, набирая скорость и увлекая за собой массы снега и камни.

Караванщики умело прятали коней под единственный широкий уступ. Старик поспешно вернулся и присел под каменным навесом вместе с остальными. Снежная масса пронеслась над ними с грозным грохотом и гулом, от которого задрожала земля. Я только теперь сообразил, что опытный вожак нарочито вызвал снежную лавину, чтобы переждать ее в безопасном месте.

Еще полчаса изматывающего спуска, когда голова болтается, как на веревочке, а зубы прикусывают то язык, то щеку, и наконец равнина, местами холмистая, это же простор для стремительного бега...

Сердце сжалось: я вдруг увидел, где шла та последняя

Желтая Волна, которая и закончила войну. По ту сторону Хребта видно, как шла со стороны моря, сжигая и сравнивая с землей города, замки, башни. Всюду оставляла после себя выжженную пустыню, но ударилась о Хребет, взмыла, как на трамплине, и обрушилась на землю в сотне миль дальше за Хребтом. Таким образом там внизу уцелели не только города, но и леса, болота и озера, где выжила живность той эпохи, до Седьмой войны.

Правда, города пришли в запустение, в селах народ либо погиб под натиском расплодившихся чудищ, либо бежал в города. Там заперлись за городскими стенами, быстро теряя признаки цивилизованных людей и превращаясь в дикарей. К счастью, во всех этих городах луга и пастбища располагаются нередко внутри города, а то и в самом центре, так что урожаи удавалось выращивать, не высовывая носа из-за крепких стен.

Потом то ли горожане приспособились и начали давать отпор, то ли пришли дикие, но свирепые племена из других краев, но чудищ постепенно оттеснили от городов и в конце концов загнали в леса, болота, озера.

Так установилось равновесие: в городах и селах хозяйничают люди, в лесах – монстры, а стычки происходят на опушках. Лишь наиболее отважные и хорошо вооруженные отряды решаются несколько углубиться в лес, но, как я слышал, и монстры иногда собираются в большие группы, чтобы попробовать напасть на город и полакомиться сладким челове-

ческим мясом.

Среди рыцарей всегда было хорошим тоном собираться в группы для вылазки в лес или другие места ареала обитания чудовищ. К этому приурочивали также производство оруженосцев в рыцари, и будущие рыцари старались изо всех сил, лезли вперед и принимали на себя главные удары, стремясь выказать отвагу и доблесть.

Пес обежал вокруг нас, сел толстой задницей на снег и коротко гавкнул. Зайчик фыркнул, Пес гавкнул громче, требовательнее.

– Ты прав, – признал я, – здесь торчать – это прямой путь в гималайские йоги, но что-то не тянет на высокое. Зайчик, погнали! Покажи, что ты можешь, но так, чтобы и у меня не оторвалась голова, и наша милая собачка не потерялась.

Пес сердито гавкнул, что за шуточки, кто потеряется, Зайчик гордо тряхнул гривой, я крепче вцепился в луку седла. Надо бы специальные ручки приспособить, а то и пристегиваться ремнями, но Зайчик уже начал разбег, я задержал дыхание и приготовился к встречному урагану.

Я трижды заставлял его сбавлять ход. Дважды, чтобы проверить направление, а третий, стыдно сказать, просто устрасился, что ветер вырвет меня из седла и унесет, как сухой лист. Пес не отставал, а время от времени, чтобы показать, что знает дорогу, обгонял Зайчика и уносился далеко вперед. Это было мукой для меня: Зайчик оскорбленно ускорял бег, и рев урагана превращался в свист реактивных двигате-

лей. Я начинал страшиться, что от трения загорится одежда, а потом вовсе рассыплюсь на части, как «Колумбия».

Мимо проскакивают желтые, оранжевые и красные полосы, это золотая осень в разгаре. Иногда под копытами успевает блеснуть озеро или болото, Зайчик прет напрямик, а при его скорости по воде можно мчаться, аки посуху. Пес вроде бы ухитрился даже рыбину поймать, но я лишь смутно запомнил, как он пытался на ходу мне совать ее в руки, не понимая, что стоит мне приподнять голову из конской гривы, встречный удар ветра в лучшем случае вырвет меня из седла, а худшем... оторвет лишь верхнюю половинку.

В очередной раз заставив сбавить скорость, я понял, что до стольного града Барбароссы рукой подать, прохрипел Зайчику:

– Помедленнее... ох, помедленнее!..

Зайчик сбавил ход, еще сбавил, а когда впереди показались стены города, перешел на аллюр обычной быстрой лошади. Дикий ураган, что пытался смахнуть меня с конской спины, утих, превратился в устойчивый встречный ветерок.

Ворота распахнуты, как раз въезжает телега. С двух сторон по стражнику, человек в цивильном, сейчас начнутся вопросы и потребуют плату, я шепнул Зайчику:

– Особо нас не выдавай... но мы должны успеть в королевский дворец.

Он всхрапнул, шел прежним галопом. Стражи обернулись в нашу сторону, я должен сбавить ход, каким бы лихим ни

старался казаться, на лицах пока только выражение заинтересованности. Зайчик резко ускорил бег, взвился в прыжке и, перемахнув телегу, оказался прямо в воротах.

Я прижался к его шее, а то размажет по каменному своду ворот, снизу трянуло еще раз, прогрохотали копыта. За спиной раздались запоздалый крик и бряцанье оружием. Зайчик несся по улице, как мчался бы любой закусивший удила конь. Народ с криками бросался под защиту стен, а кто-то и застывал столбом на месте. Меня бросало из стороны в сторону, это Зайчик умело лавирует, ухитрившись никого не стоптать, не сбить, даже не задеть, какой-то компьютер, а не конь. Зато Бобик с веселым гавком валил всех, кто на дороге, и даже, как мне показалось, валил даже тех, кого мог бы и не зацепить.

Дома разбежались в стороны, впереди площадь, на той стороне дворец. Зайчик, не сбавляя ходу, мчался вперед, я уж хотел придержать его, но копыта простучали по мраморным ступеням. Сбоку раздались крики, выбежали люди в доспехах.

Зайчик пронес меня через зал, где нарядные придворные шарахались к стенам. Впереди парадная дверь, Зайчик явно собирался вышибить ее, но я вскрикнул:

– Тихо-тихо!... Здесь свои.

Из боковых проходов выскакивали стражники. Офицер обнажил меч и закричал:

– Кто посмел? Взять их!

Я вскинул руки.

– Тихо, тихо!.. Свои! Я – Ричард Длинные Руки. К королю Барбароссе.

Офицер прокричал зло:

– К Его Величеству? На коне?

Бобик остановился перед ним, внимательно посмотрел в лицо и оскалил зубы. Из пасти вырвался дымок. Офицер побледнел, но не отступил.

Я поспешно прыгнул на пол.

– Открывайте ворота побыстрее. Я пойду пешком.

Стражи окружили нас, со всех сторон выставлены копья, рыцари со звоном опускали забрала. На меня смотрят пылающие странной ненавистью глаза, как будто я не всего лишь на коне въехал, а изнасиловал их жен.

– Ты никуда не пойдешь! Брось оружие на землю!

– Щас, – ответил я рассерженно. – Возьми, если сумеешь...

Они сделали шаг, сжимая кольцо, я выхватил меч, от дверей королевских покоев раздался могучий рев:

– Сэр Ричард? Мы вас ждали!.. Всем опустить оружие, олухи!

Воины заколебались, но никто оружия не опустил. Офицер выкрикнул рассерженно:

– Сэр Стефэн, дворец охраняю я!

К нам спешил высокий рыцарь, я узнал в нем соратника по турниру, он еще с одним таким же молодым и чистым по-

стоянно охранял меня от ударов в спину, хотя был соблазн хватать в плен сбитых с коней южан, захватывать их великолепных коней. Сейчас он, одетый богаче и в великолепных доспехах, быстро подошел и, поприветствовав меня рыцарским салютом, встал рядом.

– Это же сэр Ричард, – заявил он с гордостью. – Сэр Ричард, как вы вовремя!

– А мне плевать, – возразил офицер, – у кого какие заслуги в далеком прошлом. Изменниками становятся и близкие друзья. Пусть сперва сдаст оружие, потом его проверят наши священники...

Сэр Стефэн мгновенно рассвирепел, в его руке блеснул клинок, все еще тот самый меч, который я ему подарил.

– Сэр Ричард, разве мы не дрались вдвоем против сотни? А здесь не больше двух десятков...

– Да, – ответил я, – но там были враги. А здесь свои идиоты...

Рука моя медленно отстегнула молот на поясе, глаза следят за слабой тенью, что перемещается по стене за спиной офицера. Тень сама по себе, дрожь прошла по телу, затем нахлынули тошнота и слабость, как всегда, когда мозг старается совместить тепловое и запаховое зрение с обычным. Я вцепился одной рукой в седло Зайчика, дрожь тряхнула снова. За спиной офицера покачивается, словно на легком ветру, фигура человека в черной одежде, на голове кожаная шапка с рогами, вокруг поблескивают синеватые искорки,

над ним мерцает темный столб, словно роится мельчайшая мошкара.

Наши взгляды встретились. Маг вздрогнул, поняв, что я его увидел, хотя он незрим для всех, руки поднялись для нового заклинания, но молот уже вырвался из моей руки, как застоявшийся сокол. Дважды хлопнуло по воздуху рукоятью, раздался звук, будто разбили гигантский кинескоп. По залу пронесся ветер, устремленный в одну сторону. Со шлема офицера сорвало потешные перья и унесло в воронку, что завертелась на месте исчезнувшего колдуна. Донесся тоскливый вой, хлопнуло еще раз, потише, и все успокоилось.

Все стояли растерянные, ощупывали себя. Я поймал молот и повесил на пояс. Сэр Стефэн спросил дрогнувшим голосом:

– Что это было?

– Убит хозяин вот этих, – я кивнул на офицера и солдат. – Правда, они сами могли не знать, что ими командуют...

– Сейчас проверим, – буркнул сэр Стефэн и гаркнул: – Сэр Килпатрик!.. Открыть дверь в большой зал и проводить сэра Ричарда к покоям Его Величества!

Офицер вздрогнул, бледный и дрожащий, сказал торопливо:

– Да-да, сэр Стефэн, немедленно... Вы уж простите, все как в тумане... Сэр Ричард, прошу вас за мной.

Солдаты поспешно распахнули тяжелые двери. Офицер, который Килпатрик, бросился почти бегом, его так трясло,

что задел плечом косяк, а через зал бежал, явно прилагая все силы, чтобы двигаться по прямой. У двери на широкой лавке пятеро рыцарей в полном вооружении, у двух мечи обнажены, один держит меж колен, уперев острием в пол, другой положил на колени.

Все пятеро начинали подниматься, завидев нас, Килпатрик прокричал издали:

– Дорогу! Это сэр Ричард!

Один из офицеров ответил резко:

– Да хоть сам император...

Холод пронизывал меня, словно стою голым на ветру. Я сорвал с пояса молот, офицер выхватил меч, за спиной слышался грозный рев наступающего нас сэра Стефэна.

Грохот, скрежет металла, молот смел двух рыцарей. Их сплюснутыми телами ударило в парадную дверь, створки вылетели с ужасающим грохотом. Я ринулся в пролом, за моей спиной сэр Стефэн и офицер, который сэр Килпатрик, сцепились с остатками ошалевшей стражи.

Обломки хрустят под подошвами смачно, будто бегу по насту. Массивная кровать под балдахином, возле нее на стульчике сидит священник с книгой в руках, а с другой стороны бледная и сильно исхудавшая Алевтина, жена Барбароссы. При моем появлении оба вскочили, а я подбежал и, отшвырнув ногой стул, быстро отдернул полог.

Вместо огромного, обросшего мускулами мужчины на ложе скелет, едва-едва обтянутый кожей. Барбаросса почти не

дышит, я наклонился, тронул за руку, тонкую и морщинистую, как куриная лапа. Священник что-то заговорил гневно и протестуя, но я не слышал: кольнуло холодом. Из меня по руке пошел жар, вздувая пальцы, как сосиски в кипятке, и тут же, впитавшись с подушечек в дряблую плоть королевской длани, исчез, оставив холод во всем теле.

Я поспешно отдернул руку. Через долгие мгновения дряблые веки Барбароссы приподнялись. Глаза смотрели в пространство, затем глазные яблоки дрогнули, я ощутил, что он наконец-то узнал меня. Радостно вскрикнула Алевтина, заложила руки.

От разбитой двери все еще доносились яростные крики, лязг железа о железо, звон, эхо глухих ударов. Я оглянулся с беспокойством, оттуда донесся крик:

– Сэр Ричард, не отвлекайтесь, не отвлекайтесь!

– Если что, – прокричал я, – свистните!

– Да здесь и вашей собачки хватает...

– Я могу еще и коня позвать, – ответил я и повернулся к Барбароссе. – Ваше Величество?

Священник проговорил негодуя:

– Он без сознания! Я жду, чтобы король исповедался!

– И чтоб сказал, где ключи от квартиры, где деньги лежат? – спросил я. – Ваше преподобие, оставьте нас.

– Что?

Алевтина сказала быстро, но твердым голосом:

– Мы знаем сэра Ричарда! Отец Феофан, оставьте нас!

В голосе этой женщины звучал металл. Бледные губы Барбароссы раздвинулись, он шевельнул ими, священник тут же забежал с другой стороны, наклонился, выслушивая предсмертные слова монарха, однако Барбаросса произнес хрипло, но достаточно отчетливо:

– Ричард... – слетело легко с его бледных сморщенных губ. – Я уже думал...

– Что явились черти? – спросил я. – Ваше Величество, сейчас вас унесет и один слабенький чертенок.

– То тело, – возразил он, – а душа моя столь обременена грехами, что понадобится хорошая подвода... Вон отец Феофан ждет...

Священник, не обращая внимания на рассерженную жену короля, перекрестился, взглянул с беспокойством и укором.

– Ваше Величество, – сказал он торопливо, – в час просветления не пришла ли пора исповедоваться?

Барбаросса прошептал:

– Святой отец, оставьте нас...

Священник вскрикнул:

– Ваше Величество!

– Оставьте, – повторил Барбаросса с усилием.

Отец Феофан поколебался, король мог говорить такое и в бреду, но я сказал с мягкой угрозой:

– Его Величество велел вам оставить нас наедине. Если осмелитесь послушаться своего короля, то я вас просто вышвырну. Как мятежника. А окно здесь ближе, чем дверь...

Он взглянул на меня с мягким укором и, прижав к груди книгу обеими руками, пошел быстрыми шажками к двери. Там схватка уже утихла, но народ собрался в толпу, хотя никто не осмеливается войти в королевские покои: там у входа Бобик, обнажая клыки, грозно и с удовольствием порыкивает. Сэр Стефэн, весь помятый и, похоже, раненый, стоит в дверях с обнаженным мечом, закрывая проход. Рядом с ним держался офицер Килпатрик, остановивший меня. Меч держит левой рукой, правая бессильно висит вдоль тела.

Барбаросса дождался, когда священник обогнул Пса по широкой дуге и вклинился в толпу.

– Сэр Ричард, – услышал я тихий шепот, – я чувствую себя значительно лучше...

– Плясать не надо, – ответил я тем же шепотом. – А то не успею разобраться, что здесь, как вас угостят чем-то покрепче.

– Да я и шепчу потому... А так, наверное, смог бы встать.

– Вы достаточно сообразительный, – сказал я, – для короля, конечно. Как все это случилось?

– Может быть, – спросил Барбаросса, – сперва разберешься, что там в зале? После твоего ухода все было прекрасно, а потом как-то пошло вкривь-вкось... Я уже не знаю, кто друг, кто враг.

Алевтина, рыдая от счастья, упала ему на грудь и, обхватив руками, заливала слезами. Я встал, Бобик обернулся, глаза горят, как багровые угли. Теперь это снова Адский Пес,

я с некоторой боязнью коснулся его огромной головы, но он сразу зажмурился и едва не замурлыкал. Пришлось почесать между ушами, погладил и сказал ласково:

– Я люблю тебя, зверушка. Только мы с тобой... ну, ты понял.

Сэр Стефэн отсалютовал при моем приближении, усы воинственно топорщатся, а Килпатрик болезненно улыбнулся. Доспехи на нем изрублены жестоко, с правого плеча пластина сорвана, левый бок весь в крови, там доспех и даже кольчуга разрублены жестоким ударом, кровь пузырится, течет сверху по ноге. Понятно, что еще больше натекло под доспехами. Парень сейчас рухнет от потери крови.

– Вы хорошо служите королю, – сказал я и сунул пальцы прямо в кровавое месиво на боку. Килпатрик охнул, болезненно дернулся, а я сказал, глядя ему в глаза: – Но вы должны продержаться, пока я сам не пришлю к вам лекаря...

Он закусил губу, тут же в широко распахнутых глазах отразилось великое изумление. Я быстро отнял окровавленные пальцы, повернулся к сэру Стефэну.

– Докладываю, – сказал он немедленно. – Как только вы метнули молот, у всех словно пелена с глаз упала. А до этого ходили, как одурманенные, сэр Ричард.

– Хорошо, – сказал я. – Усиьте охрану королевских покоев. Не удалось отравить, могут попытаться что-то еще.

Он спросил торопливо:

– Заговорщики? Снова?

– Не знаю, – ответил я. – Опыт... не мой, конечно, говорит, что силовые органы обычно вылавливают мелкую сошку. Так что главные лица могли уцелеть. Чаще всего так и бывает.

Он скривился, оглянулся на Килпатрика. Лицо сразу стало подозрительным.

– Что скажете, сэр?

– Я устрою охрану, – ответил тот быстро.

– Сами вы... как?

Тот помедлил, глядя на меня, что-то перехватил в моем взгляде и сказал уклончиво:

– Раны все... мелкие. Потерял много крови, но если хорошо поем и выпью красного вина... побольше, побольше...

Стефэн хохотнул.

– Все равно не выпьете больше, чем я. А возвращение сэра Ричарда отпраздновать стоит!

Я сказал коротко:

– Все потом, но... не сейчас. Я не знаю, почему такое случилось, потому бдите! И еще раз бдите. А я пока вернусь к Его Величеству. Узнаю информацию из первых, так сказать, рук. Хотя и король может соврать...

Килпатрик болезненно дернулся при таком явном неуважении к королевской особе, а Стефэн произнес укоризненно:

– Сэр Ричард! Зачем королю врать?

– Король тоже человек, – сообщил я им новость. – И то-

же может победы приукрасить, поражения преуменьшить, а
дурость свою скрыть вовсе.

Глава 3

Барбаросса все так же на спине, взгляд блуждает по потолку, но я сразу ощутил, что мозг короля уже работает если не с предельной, то достаточной даже для здорового человека нагрузкой. Я придвинул стул, сел, крупные глазные яблоки короля повернулись в орбитах, взгляд искоса всегда кажется недоверчивым, подозрительным.

– Спасибо, – произнес он все еще слабым голосом, – что прямо сюда.

– Ну да, – согласился я, – а мог бы сперва по бабам, в трактир, к цыганам...

– Ты бы мог, – проворчал он, – потому и ценю, что сюда. Значит, что-то в тебе есть и от человека. Извини, что на «ты», это возрастное, да и на болезнь делай скидку... Сильно устал в дороге? Я велю отвести тебе лучшую комнату здесь же во дворце.

– Вообще-то устал, – признался я. – Утром еще стоял на палубе корабля. Мы готовились отплыть из Тараскона! Уже и паруса подняли... Эх, что я потерял! А что получил?

– Ты же не простолюдин, – напомнил он, – что ищет только покоя, сытной еды и покорных баб.

– Вот и думаю, что когда-то придет эпоха простолюдинов! Все мы в душе простолюдины.

– Так то в душе, – возразил он. Подумав, добавил: – И не

в душе вовсе, а совсем в другом месте.

— Это верно, — согласился я. — А этого места в нас очень много. Намного больше, чем какой-то там непонятной души, где нет места пиву, футболу, бабам и бесовским увеселениям.

— Никогда пора простолюдинов не придет, — возразил он сердито. — Всегда те, кто умеют себя смирять и себя заставлять, будут наверху!

— И у кого не хватает мозгов, — добавил я горько, — чтобы увильнуть от неприятностей? Ладно, Ваше Величество, рассказывайте, что и как случилось.

Но он молчал, смотрел в упор, зрачки расширились в безмерном удивлении.

— Постой-постой... Ты сказал... примчался от моря сюда за неполный день? Сэр Ричард, ты просто дьявол, а не человек.

— А почему не ангел? — спросил я оскорбленно.

Он фыркнул.

— Ну, на ангела не больно рожей... Да и не только рожей, кое-что помню. С чем тебе здесь придется столкнуться, даже не знаю. Я был уверен, что заговорщиков раздавили целиком и полностью. На самом деле, конечно, так и есть, убежден. Но что за порчу навели...

Я сказал язвительно:

— Порчу наводят только на скотину. Но если вы, Ваше Величество, продолжаете настаивать на таком термине, я спо-

ритель не буду, вам виднее. Даже соглашусь... весьма охотно. Сделаем так, я вас буду излечивать постепенно. Пусть у них остается надежда, что вот-вот откинете копыта.

Он нахмурился.

– Как-то, сэр Ричард, неуважительно о своем государе...

– Вы не мой государь, – напомнил я. – Но если согласились на скотину, то чего уж возражать насчет копыт? Вы бык, государь, огромный и могучий бык! Свирепый и ярый. Которого на гербах и щитах рисуют.

– Ну ладно, – проворчал он, – на быка согласен. Гербового. Давайте, пока введу вас в дворцовые интриги.

– Не надо, – сказал я сварливо.

– В смысле расскажу суть. После той блистательной победы, когда был уничтожен культ сатанистов и перебиты заговорщики, вы это знаете, вместо прохвостов и предателей, которых я знал как облупленных, дворец наполнили новые люди, которых практически не знаю. И до сих пор, представьте себе!.. Ваш Стефэн, которого вы оставили мне, едва ли не единственный.

– А Митчелл? – напомнил я. – Младший сын барона Каселя, я его направил к вам...

Король отмахнулся.

– Да хорош он, хорош! Я все сделал, как вы и хотели, сэр Ричард! Дал ему землю, титул, замок, а он принес мне клятву верности. И, похоже, он из тех, кто такие клятвы держит. Но он со своей женой... милая такая штучка, как она с ним

уживается?.. удалился в отныне свой замок и теперь там безвылазно приводит все в порядок. Правда, там все разорено, рука нужна крепкая... Так что ваш Митчелл хорош, но... мне нужны верные и надежные здесь, во дворце.

Он с надеждой посмотрел на меня. Я покачал головой.

– Я не верный и не надежный. В смысле у меня свои планы и свои задачи.

– Но ты же примчался...

Я сказал раздраженно:

– Сказать правду?

– Скажи, – попросил он и насторожился.

– Я примчался не ради вас, Ваше Величество. Вот так. А чтобы победить в одной важной для меня схватке. Не уверен, что выиграю сражение, тем более битву, но хоть в отдельной стычке победить... и то радость!

– Какой схватке? – спросил он в недоумении. – С кем?

– Лучше не спрашивайте, Ваше Величество.

Он всмотрелся в мое лицо, чуть вздрогнул. Я видел, как задрожали его руки, когда торопливо осенил себя крестным знаменем.

– Вы правы, сэр Ричард. Даже королю лучше не заглядывать в иные бездны... если хочет сохранить душу.

– Рассказывайте, Ваше Величество, – напомнил я мягко.

Он принялся за рассказ, говорил все более крепнущим голосом, я слушал, кивал, мысли иногда уходят в сторону, потому что рассказанное королем не выглядит таким уж но-

вым, хотя сам я столкнулся с этим впервые. Но за моими плечами массивы информации, или, как сказали бы местные алхимики, Великие Знания, вся суть которых в том, что свято место пусто не бывает... как и несвято. На месте одной уничтоженной погани тут же появляются другие погани. Непонятно мне только, почему даже умнейших и мудрейших королей окружают титулованные ничтожества, хапуги, рвачи, а то и просто предатели и заговорщики?

Даже те блистательные правители, что вытягивали свои государства из полного дерьма, будь это Петр Первый, Екатерина Вторая, Карл Великий, Генрих Четвертый, и то все залы их дворцов заполняли угодливые лизоблюды, подхалимы, льстецы, тупые родовитые дураки... это в лучшем случае, а обычно же эта свора только и смотрит, как вырвать из рук короля что-то лакомое. А то и вовсе спихнуть короля, а на его место если не самим залезть, то поставить такого, у которого можно выхватывать больше, чаще...

С другой стороны, не так просто определить сразу человека. Не говоря уже о том, что вчера это был верный соратник, сражавшийся плечом к плечу, а сегодня что-то в нем изменилось то ли само по себе, то ли жена нашептала, то ли еще кто, и вот уже он осваивает искусство интриг против короля. Пока что король опирается на сэра Стефэна, уже доказавшего верность, а также на десяток сохранивших преданность рыцарей, но остальные... гм...

— И что скажешь? — донесся голос.

Я посмотрел на Барбароссу, на его лице проступило неудовольствие, догадался, что я почти не слушаю, в запавших, но по-прежнему орлиных глазах проступил гнев.

– Это не мое, – ответил я честно. – С интригами разбирайтесь сами, Ваше Величество. Я же пройду еще по дворцу, посмотрю... Одного из черных магов удалось застать врасплох. Если еще у вас тут орудует кто-то, он так просто не попадется. Я вообще-то посоветовал бы священника позвать не в последний момент, а вообще запечатать святыми молитвами все входы и выходы. Чтобы в дворец могли проходить только те, у кого либо крест на груди, либо благословение епископа.

Он помолчал, ответил, искривив губы:

– Вообще-то священник явился только вчера... До этого не до попов было.

– Вот маги и пируют во дворце, – ответил я. – Ладно, Ваше Величество, набирайтесь сил. Но – постепенно, постепенно.

Я покинул его покои, толпа мастеровых спешно восстанавливает двери. Завидев, что иду в их сторону, прыснули, как испуганные кролики от волка.

Я придержал падающую створку двери.

– Позовите священника. Он хоть и слаб, но заклятия на эти двери наложить сможет... В смысле святую молитву. Пусть и святой водой окропит!

Сэр Стефэн, придерживая болтающийся меч, догнал меня и пошел рядом, довольный настолько, что я ощутил от него

электрические разряды.

– Как хорошо, – выдохнул он с великим облегчением.

– Что хорошего?

– Мы снова вместе, – сообщил сэр Стефэн мне новость. – Кто теперь против нас?

– Мы не вместе, – сварливо сказал я. – Я бы и пальцем не шевельнул, сэр Стефэн, уж простите за откровенность, но тут совпало с личными проблемами. Потому и примчался, бросив все... А так рассчитывайте только на себя.

Он вскинул брови, на лице проступила понимающая улыбка.

– Да, это беда, когда внезапно является муж... Представляю, какова была погоня! Много народу перебили?

– Все было не так, – буркнул я, но вдаваться в подробности не стал, у каждого личные проблемы по его уровню. – А здесь кто еще из тех, кого мы знаем? Где... ну, перечислять долго, где орлы, с которыми мы разнесли южан на турнире?

Стефэн объяснил, как мне показалось, с легкой обидой:

– Им всем Его Величество изволил пожаловать крупные земельные владения. В основном на границе с Турнедо и Ламбертинией. И еще на восточной, оттуда иногда вторгаются степные племена. В тамошний замок отправился сэр Аларт с его дружиной. Король велел ему укрепиться и перекрыть путь для нападений.

– Понятно, – сказал я. – Сэр Стефэн, я чувствую, вы уязвлены, но король, кому доверяет полностью, того не отпуска-

ет. Вы получите от него гораздо больше, чем какой-нибудь мелкий лен на границах королевства!

— Ну уж скажете, — проговорил он польщенно.

— Уверяю вас.

— Но вам он дал только виконта...

— Он следом предложил барона, — пояснил я заговорщицки, — за одно пустяковое задание. И еще подтолкнул на тропку, где я получил графа. Так что я, помимо всего, еще и граф. Более того, я — бургграф!

Он изумился.

— Быть того не может!

— Но так оно и есть, — сказал я. — Давайте пройдемся по дворцу. Я хочу с ним ознакомиться, так сказать.

Мы шли и по дворцу, и по двору вокруг, затем я в сопровождении сэра Стефэна не поленился побывать на всех башнях, прошелся даже по опоясывающей замок стене и в конце концов вышел в город. У меня перед глазами все еще улицы Тараскона, потому патриархальная чистота и целомудренность Вексена подействовала, как глоток холодной чистой воды в жаркий день.

Вон проехал богато разодетый купец, ножны меча украшены рубинами и сапфирами, но меч привязан к седлу, ибо еще постановлением Фридриха I в *Constitutio de pace tenenda* крестьянам нельзя носить копье и меч: мирных людей обязаны защищать рыцари, даже купец не смеет опоясываться мечом, а должен привязывать его к седлу, потому что меч у

пояса – это намек на то, что король не справляется со своей прямой обязанностью обеспечить мир и покой в своей стране.

Здесь в силе и другой указ того же Фридриха, *Constitutio contra incendiarios*, по которому опоясываться мечом по-рыцарски не смеют и сыновья священников, дьяконов и крестьян.

Правда, что-то многовато в городе монахов и вообще людей духовенства, а под их просторными рясами можно прятать целые арсеналы.

– В каких отношениях король с духовенством? – спросил я.

Стефэн промямлил, отводя глаза:

– Его Величество – король-воин, все внимание отдает знатым рыцарям и могущественным лордам...

– Понятно, – прервал я. – Похоже, что Барбаросса с церковью разосрался. Что, его науськали отобрать у монастырей часть земель? Или обложил их новым налогом?

Стефэн сказал неохотно:

– Но в самом деле монастыри слишком уж... зажрались. У них право неприкосновенности, у них льготы, налоги почти не платят...

– Понятно, – повторил я. – Когда нож у горла, то вопим: церковь, помоги, а когда беда миновала, то почему и не пощипать жирных попов?

Он усмехнулся.

– Почти так.

– То-то у постели короля какой-то деревенский попик! А где архиепископ Кентерберийский? Умный человек, кстати, хоть и на вершине власти. Где он?

Сэр Стефэн виновато развел руками, словно это он поссорился с духовенством.

– Обиделся, уехал...

– А почему тогда здесь эти? – спросил я и указал на человека в рясе, он, смиренно сунув руки в рукава и склонив голову, пробирался вдоль стен домов, стараясь ни с кем не сталкиваться. – Это не обидчивые?

Он снова виновато развел руками, разделяя вину своего сюзерена.

– Кто-то же должен стоять на посту... даже если монархи ссорятся?

– Верно, – вздохнул я. – Подвижники всегда и вытаскивают мир из дерьма. Но сперва мир там наплетается, наглотеется...

За то время, что я не был в этом королевстве, ничего не изменилось, да и что могло измениться за пару месяцев? Но вот, как мне кажется, все же и тогда на улицах городов было меньше этих закапюшоненных монахов. Конечно, даже поссорившись с королями, церковь продолжает вести церковную пропаганду на их землях, миссионерство – едва ли не главная забота церкви, однако, как мне кажется, пятый монах, попавшийся нам по дороге за короткий отрезок време-

ни, — это многовато для стольного града.

Вообще мне очень не нравятся эти фигуры с надвинутыми на глаза капюшонами. С одной стороны, все понятно: монахи стараются отгородиться от мирских страстей и желаний, не смотрят по сторонам, чтобы не увидеть голых баб или что-то еще греховное, такие убеждения и стремления к духовной чистоте надо уважать, но, с другой стороны, надень вот такую рясу с капюшоном террорист — и можно разгуливать перед полицейским участком, не говоря уже о том, что под свободно ниспадающей рясой можно спрятать как турнирные доспехи, так и туеву кучу оружия.

Плюс наше уважение к лицам духовного звания: ни один стражник не остановит монаха, не станет шарить под рясой. Так что эти люди в черных мантиях могут молчаливо передвигаться где угодно и как угодно, идеальное прикрытие для шпионов и диверсантов.

— Возвращаемся, — сказал я. — Для первого впечатления достаточно.

Глава 4

Армин Арпагаус, двоюродный брат Барбароссы, как рассказал на обратном пути Стефэн, всячески увильчивает от возвращения в столицу. Прирожденный воин и полководец, он страшится непонятных государственных тягот, избегает дворца, а все время проводит в походах. Сейчас он присоединился с небольшим отрядом к войску герцога Ульриха Завоевателя, который повел освобождать Берн и Шальк от вурдалаков, расплодившихся троллей и каких-то неведомых огров, что вроде бы горные, но почему-то захватили долину и перебили живущих там людей...

Сэр Уильям Маршалл только вчера прибыл в Вексен, а так он, несмотря на возраст, обычно бросается из одного конца королевства в другой, едва успевая гасить ростки мятежа. Но уже вчера к нему прискакал гонец: мятежный барон Сегунд Толстый снова собирает обиженных на короля рыцарей под свои знамена...

Из могущественных лордов королю просто не на кого опереться. Он признался как-то ему, Стефэну, в минуту королевской слабости, что никогда еще не чувствовал себя на троне так шатко, как теперь, но никак не нащупает причину.

Стефэн умолк и посмотрел на меня с немым вопросом в глазах. Я покачал головой.

– На меня не рассчитывайте. Я и не опора, и не Эркюль

Холмс, чтобы шупать слабые места королевской власти. Мне есть что шупать.

– Да уж не сомневаюсь, – вздохнул сэр Стефэн. – Сэр Ричард, здесь я оставляю вас. Вы идите к королю...

– Зачем?

– Он наверняка ждет вас.

– Лучше бы не ждал! – вырвалось у меня.

– Почему?

– Если бы вы знали, от чего пришлось из-за него отказаться!

Он посмотрел с любопытством.

– От какой-нибудь молоденькой графини? Да еще прямо из спальни пришлось выпрыгивать прямо в седло?

Я вздохнул.

– Да, конечно... Разве что-то может быть интереснее?.. Разве что постель герцогини...

У него загорелись глаза.

– Постель герцогини?

Я пожал плечами.

– А то и принцессы.

Он задохнулся от восторга.

– Сэр Ричард!

Я сказал устало:

– Ладно, идите, проверяйте свою удвоенную стражу.

– Слушаюсь, сэр Ричард!

– Идите, идите, идите...

Когда я шел через площадь, обратил внимание на роскошный дворец архиепископа на той стороне. Богатые экипажи у подъезда, народ снует взад-вперед, чувствуется деловая суета. Не похоже, что церковь свернула свою деятельность.

Я уже знал, что архиепископ обычно редко показывается из своей резиденции, но в связи с тяжелой болезнью короля перебрался в столицу и живет в этом роскошном доме, окруженном высоким забором, где стража бдит едва ли не больше, чем на городских воротах.

Пока я глазел, подошел монах, опустив голову и держа руки в рукавах, как в муфте, низко поклонился.

– Сэр Ричард?

– Имею честь им быть, – ответил я любезно. – А также... эта... удовольствие.

– Сэр Ричард, архиепископ Кентерберийский, узнав, что вы в городе, просит незамедлительно явиться к нему.

– Хорошо, – ответил я настороженно. – Как-нибудь, как только выберу время.

Он покачал головой.

– Нет, вас ждут немедленно.

Я запротестовал:

– Но у меня другие планы!

– Сэр Ричард, вы паладин?

– Да...

– Значит, слово архиепископа для вас должно быть важнее слова короля.

Я смолчал, что для меня и слова короля совсем не закон, я нездешний, надо мной юрисдикция другого королевства, однако он прав в том, что слово архиепископа для меня что-то да должно значить. Еще не знаю, что именно, но должно, ибо паладин – понятие как воинское, так и церковное.

– Хорошо, – ответил я. – Отложим все важные дела и планы. Веди.

На самом деле никаких дел не намечалось, но всегда стоит дать понять, что приношу нечто важное в жертву, чтобы выторговать что-то ценное взамен.

Следуя за монахом, минут через десять я уже входил в роскошный дворец. Везде молчаливые стражи, много монахов, все прячут лица, что понятно, так надо по монастырскому уставу, но в то же время как удобно, как удобно.

Перед последней дверью монах попросил чуточку подождать, исчез, я только успел увидеть в щель, что в зале яркий свет, пахнет ладаном и много народу.

Вернулся буквально через минуту, тут же распахнул передо мной двери. Я шагнул в зал: красиво и торжественно, несколько священников довольно высокого ранга сидят на двух длинных скамьях, а сам архиепископ Кентерберийский – в кресле с высокой спинкой, что на возвышении. Туда ведут три ступеньки, покрытые толстым ковром цвета кардинальской мантии.

Я отвесил учтивый поклон, архиепископ вперил в меня суровый взор и сказал сухим неприятным голосом:

– Сэр Ричард, вы занятой человек, потому буду краток... Я ответил несколько встревоженно:

– Для вас, Ваше Преосвященство, я оставляю любые дела. Он поморщился, продолжил тем же тоном:

– Сэр Ричард, до меня дошли слухи, что есть серьезные основания сомневаться в вашем паладинстве. Я внимательно изучил вопрос, сделал соответствующие запросы... Настоятель монастыря Кернель брат Августин и герцог Веллингберг при всех их высоких достоинствах в самом деле не имели права возлагать на вас этот сан. Таким правом обладают только высшие сановники церкви.

– Сановники? – переспросил один из священников, массивный епископ с крупным некрасивым лицом мыслителя.

– Конклав, – сказал архиепископ внушительно. – Не один служитель церкви, а собрание. Один раз в год кардиналы собираются для решения важных вопросов...

Епископ кивнул, удовлетворенный, архиепископ обратил суровый взор ко мне.

– Как я уже сказал, буду краток. Чтобы не тратить ни свое время, ни ваше. Мы сейчас держали большой совет и... единогласно постановили снять с вас этот благородный и ко многому обязывающий сан.

Я содрогнулся, на меня будто обрушилась крыша дворца. Священники смотрят уже не бесстрастно, а враждебно, как на жулика, присвоившего диплом престижного вуза. В глазах архиепископа на миг промелькнуло обыкновенное зло-

радство, после чего он сказал еще более сухо:

– Можете идти, сэр Ричард. Решение нашего совета мы сегодня же обнародуем в городе. А также пошлем гонцов в другие города.

Настолько потрясенный, что даже не сообразил что-то ответить, я повернулся и деревянными шагами вышел. Меня услужливо проводили на улицу, и уже там я ощутил, как зарождается и медленно поднимается изнутри гнев.

Какая-то нехорошая игра, и не надо быть таким уж умником, чтобы разобраться. После победы над заговорщиками победители что-то не поделили. Возможно, архиепископ захотел больше власти и влияния. В чем-то он прав: раз уж король позволил усилиться сатанизму, то это его просчет, а сильная церковная власть подавила бы все в зародыше. Но, понятно, Барбаросса не таков, чтобы делиться властью. Особенно теперь, когда его едва не свергли.

Ну, а я, как очень помогший королю и сейчас явившийся на выручку, тоже попал под раздачу. Короля играет свита, и если ослабить его сторонников, то и король теряет всякую мощь...

Перед дворцом всегда столько народу, что я начинаю видеть пикет, демонстрацию или зачинщиков палаточного городка. Это сэр Стефэн проходит мимо равнодушно, еще недооценивает эту силу, а я разрезал толпу, как раскаленный нож режет кусок сливочного масла, и взбежал по ступенькам в холл, прохладный и просторный, но тоже блещущий бога-

тыми нарядами придворных и гостей короля.

Я двинулся через зал, рассматривая больше женщин, чем влиятельных вельмож, как вдруг услышал повелительный голос:

– Сэр Ричард!

Я оглянулся. Сэр Маршалл стоит с двумя очень богато одетыми вельможами, в руках кубки с вином, хохочут и хлопают друг друга по плечам. Завидев меня, один из вельмож еще раз назвал меня по имени и сделал повелительный жест, приказывая подойти.

Я едва не вскинул левую руку, согнув в локте, и не похлопал по бицепсу, но я дворянин, так что лишь смерил его холодным взглядом и продолжал двигаться дальше.

За спиной услышал:

– Сэр Ричард! Да погодите же!

Я нехотя остановился, медленно повернулся, стараясь, чтобы скука и презрение как можно четче отражались на моем выразительном все еще, надеюсь, лице. Вельможа оставил собутыльников и спешил за мной, даже запыхался.

– Сэр Ричард!

– Слушаю, сэр, – ответил я небрежно, словно это я был верховным канцлером. – Э-э... сэр?

Он чуть прикусил губу, в руках все еще кубок, который он не знал, куда девать, в глазах метнулась злость, но, когда заговорил, голос звучал сладко, как у Доминго или Паваротти:

– Сэр Плачид, маркиз и лорд трех городов к вашим услу-

гам...

– Слушаю, сэр Плачид.

– Хочу поздравить вас, сэр Ричард!

– С чем?

– Вы только приехали, и король сразу почувствовал себя лучше.

– Не уверен, – ответил я, хмурясь, не выдал ли себя король, что полностью здоров. – Король просто рад видеть старых друзей.

Маркиз протянул:

– Разве старых? Насколько помнится, он увидел вас впервые пару месяцев назад. Правда, вы оказали ему какую-то услугу, но вряд ли значительную, иначе он не одарил бы вас всего лишь титулом виконта.

– Разве это мало?

– Мало, – ответил он убежденно. – После той резни освободилась как титулов масса, так и владений!

– Это была королевская шутка, – пояснил я. – У меня владений хоть... благородных дам здесь нет? А неблагородных?... хоть анусом потребляй. В смысле, хоть жопой ешь. Среди моих титулов... ха-ха... только виконтьего не доставало. Для гербария. Вот сейчас я изволил прибыть сюда как граф. Да-да, всего лишь граф, такова моя причуда. Граф Валленштейн к вашим услугам... ну это так говорится, я ж вежливый, а так вы хрен дождетесь от меня услуг, кроме... ну вы поняли. Наследник совсем не бедного герцогства Брабант.

Надеюсь, слышали...

Судя по его вытянувшемуся лицу, слышал. Еще как слышал. Я улыбнулся покровительственно, направился в королевские покои. Похоже, меня пытались прощупать и сразу же перевербовать, предложив что-то повыше, чем титул виконта.

Стражи у двери бодро отсалютовали копьями.

– Бдим, орлы? – спросил я бодро.

– Бдим, сэ́р Ричард! – ответили они не менее бодро, как своему военачальнику. – Муха не пролетит!

– Никого постороннего к королю, – приказал я. – Даже если это папа римский!

– Сэ́р Ричард, как можно...

– Я отвечаю, – оборвал я.

На другой день Барбаросса уже сидел в постели и диктовал распоряжения, а на третий, несмотря на все мои протесты, решил устроить пир, на котором проведет смотр всех сил, что у него есть. И противников – тоже. Я возражал против такого быстрого выздоровления, но Барбаросса сообщил всем-всем, что это я, сэ́р Ричард, привез очень редкое и очень дорогое лекарство, купленное у контрабандистов, а те отыскали его в руинах древних городов. Так это все благодаря лекарству, а ваша тайна, сэ́р Ричард, останется тайной...

Я вообще-то и так не очень сомневался, король – кремень, просто хотелось все успеть, раз уж приехал, отложив драгоценную поездку на Юг. Во дворце снова зазвенели веселые

голоса, торговцы привезли редкие фрукты, охотники доставили на шести телегах дичь, битую птицу, а повара сбивались с ног, подготавливая великий пир по случаю чудесного избавления Его Величества от болезни.

Король принимал Маршалла, когда я пришел с докладом, Барбаросса радушным жестом пригласил к столу, однако Маршалл поспешно поднялся.

– Ваше Величество, у вас пойдут воспоминания о былых битвах, а мне нужно подготовить кучу приказов.

– Иди, – разрешил Барбаросса и повернулся ко мне. – Так, говоришь, сатанисты окопались прямо во дворце?

– Уже знаете?

– Стефэн рассказал.

– Кстати, Ваше Величество, надо бы верному рыцарю какой-нибудь лен пожаловать!

Он поморщился.

– Мне он тут нужен.

– А вы пожалуйста с условием, что Стефэн пошлет туда управляющего. А сам пусть служит дальше.

Он подумал, буркнул:

– Да, это мысль. Ты хорошо соображаешь.

– Ничего особенного, – ответил я недовольно. – Кстати, Ваше Величество, а с какой целью вы мне так здорово подос... подгадили? В смысле, освободив герцога Валленштейна.

Он поморщился.

– Ну, знаешь ли, он мой старинный друг.

– Но это был мой пленник! И даже король не смеет его освобождать, тем самым нарушая феодальные вольности. Вот щас всем скажу, что вы нарушили. Это же весь рыцарский мир ополчится на такого самодурного короля!

Он криво усмехнулся.

– Не скажете, сэр Ричард. Вы ж это... благородный.

– Благородный, – согласился я с удовольствием, – а вот вы, Ваше Величество...

– Ну-ну?

– Даже слово это выговариваете с запиночкой, будто жабу глотаете. Или на рыночные отношения перешли. Должен сказать, что появление герцога было для меня весьма неприятной неожиданностью.

Он вскинул брови.

– Как так? Я был уверен, что уж никак тебя не догонит. У тебя такой конь!.. Может, все-таки продашь? Своему королю, как-никак...

Он проговорил это небрежненько, поставив сразу две ловушки, чтобы я первую перепрыгнул, а во вторую попал, но я сделал вид, что первую вообще не заметил, а насчет второй напомнил так же небрежно, как монарх монарху:

– Вы не мой король, Ваше Величество. Я вам помогал не по службе, а... ну не стану врать, что из симпатии, но тот герцог Валленштейн показался мне еще большей скотиной, чем вы, Ваше Величество.

– Ну спасибо, – прорычал он. – На добром слове, как говорится! Добрый ты, дорогой Ричард. Но, как я понял, герцог хоть тебя каким-то образом и догнал... наверное, с помощью чертовой магии, все обошлось?

Я пожал плечами.

– Да как сказать.

Он спросил встревоженно:

– Что-то стряслось?

– Увы...

– «Увы, да» или «увы, нет»?

– Увы, да.

– Так что же все-таки?

– Теперь вот, – сказал я с сомнением в голосе, – я названный сын герцога Валленштейна и наследник его земель. Хорошо это или плохо? Пока не врубился. Правда, я ему отыскал еще одного сына, настоящего, но побаиваюсь, что не удастся выпихнуть на малыша герцожье престолонаследие.

Король вскинул брови и некоторое время смотрел на меня буквально с раскрытым ртом. Наконец с трудом выдохнул, коротко хохотнул и сказал со странным смешком:

– Ну, дорогой Ричард... Тебя кинь связанным в воду – выплывешь с рыбиной в зубах. Как мне недостает именно такого человека!

Я сказал едко:

– А я всю жизнь о таком короле мечтал! Даже привиделось как-то... в кошмаре. Ладно, Ваше Величество. Я вижу,

раз речь зашла о пире, значит, все путем. Так что я на рассвете возвращаюсь. У меня важных дел полно, а я какой-то ерундой маюсь.

Он поморщился.

– Я же говорю, добрый ты. И вежливый. Вон какие деликатнее слова подбираешь, чтобы не обидеть монарха, а напротив, сказать ему приятное... А за тобой серьезный должок, ты забыл?

Я изумился так, что зашатался на стуле.

– Ваше Величество! У вас все еще жар?

– Сэр Ричард, – сказал он почти официально, – вы не забыли, что вы еще и барон де Сворве? Тебе моей милостью пожалованы земли Сворве и Коце с находящимися там замком, поместьем, загородными домами, деревнями и двумя городами. Со всеми вытекающими правами и обязанностями.

Я усмехнулся.

– Ваше Величество! Благодарю за щедрый дар, но вынужден отклонить. Тем более когда с этими... обязанностями. Я нормальный человек, демократ, рыночник, а это значит, что от любых обязанностей бегу, как черт от ладана. Я уж скромно молчу, что у меня этих земель... Нет, это исключено.

Он набычился, смотрел с неприязнью.

– Почему такое пренебрежение к королевской милости?

– Ваше Величество, я же сказал, что я польщен и все та-

кое. Не сказал? Так говорю, громко и вслух, как учил Карнеги. Но у меня крайне важное дело на Юге. Я это повторяю уже, как попугай, но я еду, куда планировал, а вовсе не в это, как его...

– Сворве, – подсказал он.

– Это самое Сворве. Я же понимаю, почему вы сейчас упомянули!

Он вздохнул, лицо как-то сразу постарело, я увидел, что он не слишком уж и оправился от болезни, кости едва не прорывают истончившуюся кожу.

– Сэр Ричард... Дело в том, что, если бы ты отправился туда сразу, все было бы великолепно. Барон де Бражеллен погиб, ты приезжаешь в замок и прибираешь все к своим рукам согласно моей воле. Но ты не поехал. За это время там опомнились, а эта сволочная вдова убитого, очень честолоубивая и неглупая бабища, подняла крик о невинно убиенном и начала собирать под свои знамена вассалов. У нее с мужем никогда любви не было, уж я-то знаю, но сейчас она размахивает его именем и готовит всю Армландию к войне.

– А я при чем?

– Если бы ты поехал сразу, – повторил он чуть ли не по слогам, – все было бы погашено в зародыше. Но сейчас мы им дали время опомниться, хорошенько подумать, взвесить все «за» и «против», подготовить замки к возможным штурмам, а также собрать какие-то силы для отражения моих войск. Но дело не в том, что я так уж берегу жизни своих

солдат... хотя, если честно, берегу, они мне всегда нужны, я не хочу потратить их хоть в какой битве: кто знает, сколько еще впереди? И, хуже всего, там в Армландии знают, что я не в силах отправить туда войско. Не только потому, что его у меня пока еще почти нет... но и дорог в ту проклятую Армландию тоже почти нет. А по единственной тропке между бездонными болотами, которую знает один-два местных охотника, войско не провести... ты должен, просто должен войти в положение дел!

– А мне это нужно? – ответил я сердито. – Вы, Ваше Величество, совершенно не входили в положение моих дел! И это для вас нормально. Как же – король! Все трепещите и падайте ниц. А я, может быть, сейчас как раз демократ, а не тоталитарист.

Он полюбопытствовал:

– А какое у тебя положение? Лучше не бывает. Уже граф! Что еще?

– Ну да, – ответил я злобно, – а теперь мне только недостает какого-то дурацкого замка барона де Бражеллена на краю вашего королевства. Ваше Величество, повторяю, у меня своих дел выше крыши! Я сейчас демократ, а это значит: да плевать мне на страну, я сам – целая страна! И вселенная. И звучу гордо. Хоть и птица без перьев. И вообще от обезьяны.

Он спросил с недоумением:

– От обезьяны? Точно?

Я поморщился.

– Ваше Величество... иногда намного удобнее от обезьяны, чем от рук Бога. Когда от обезьяны, то любую свою срань оправдать можно... ну там инстинктами, генетической памятью, да мало ли что демократы придумают! Потому я при любой возможности – от обезьяны. И все тут. Когда от обезьяны – все можно.

Он покачал головой.

– Какое счастье, что эта ересь еще не доползла до нашего королевства...

– Доползет, – заверил я мрачно, – и встанет гриб лиловый, и кончится земля...

Он кивнул, лицо снова показалось безмерно постаревшим, осунувшимся.

– Ты, наверное, прав, – проговорил он тяжело, – однако же... понимаешь, сейчас мне просто опереться не на кого. Сложилась такая ситуация, что земли на юге моего королевства сейчас просто отделились. Они всегда были несколько обособлены, а в последнее время вообще объявили, что не считают меня своим сюзереном. Знаешь, у меня не самолюбие играет... Оно выиграло бы лет двадцать назад, когда был помоложе. Сейчас я бы отпустил их, правда. Но дело в том, что они не просто мятежники... Там угнездились культы сатанистов. Один поклоняется Темному Лорду, другой – Черной Звезде, а третий – вообще Абсолютной Тьме, под которой разумеется все тот же, не к ночи будь помянут.

Я молча ждал, а когда король вздохнул и умолк, спросил нетерпеливо:

– Но здесь же раздавили сатанистов? Раздавите и там.

– Здесь моя столица, центр королевства, – ответил он с еще более тяжелым вздохом, – и то удалось едва-едва... А там? Местные лорды соберут такое войско, что я просто не знаю... А сатанисты поддержат их, свои шкуры спасая. Боюсь, что наши окажутся там беззащитными перед лицом черной магии. Церкви с собой не повезешь!

– Но поедет архиепископ, – сказал я. – Всех священников возьмете... что еще?

Он развел руками.

– Ричард, ты понимаешь, о чем я говорю. Если ты отправишься в замок покойного барона, то это все по закону: барон погиб, а я его замок и владения волен передать другому. Как всегда и делалось: передаю верному мне рыцарю. Освященный рыцарскими обычаями... гм... обычай. Если же я двину туда войска, то это будет что? Сам понимаешь.

– А если двинусь туда я?

Он вздохнул.

– Сам понимаю, в змеиное гнездо посылаю. Но государь должен обходиться минимальными затратами. Если тебе повезет, то сделай так, чтобы мне войско посылать туда не понадобилось.

Глава 5

Я не стал напоминать, что шансов у меня не так уж и много, только посмотрел ему в глаза. Барбаросса тут же отвел взгляд, насупился.

– Знаешь, – проговорил он после паузы, – другому бы я начал расписывать, какие огромные земли получает во владение, какой укрепленный замок, сколько сел и угодий, сколько вассалов будет... когда восстановит оммаж с теми, кто присягал барону... но ты все еще остаешься загадкой для меня. Догадываюсь, что земли привлекают тебя не... слишком сильно. Однако же подумай, это очень немало даже для такого, как ты.

– А какой я? – спросил я с любопытством.

Он в затруднении развел руками.

– Все еще не знаю. Иногда мне кажется, что ты – сама святость, но в следующий момент зрю, что Сатану переплюнешь как в жестокости, так и неразборчивости. Иногда ты груб и бессердечен, иногда... гм... ты как тот разбойник из баллады, что сорок человек зарезал, а потом полез в реку спасать тонущего щенка, нахлебался холодной воды и то ли утоп, то ли простудился и помер.

Я подумал, сказал:

– Я не утону. Хотя щенка спасать буду.

– А человека?

Я сдвинул плечами.

– Это смотря какого. И если будет у меня такое спасательное настроение.

– А щенка?

– Так то щенка, – ответил я сердито. – Разве можно сравнивать собаку и человека? Некорректно.

Он вздохнул, я видел, что он бледнеет все больше, какие еще пиры, я поднялся, откланялся, но он сделал еще одну попытку, похоже, последнюю:

– Ричард, ты знаешь, где те твои земли?.. Когда едешь на Юг, проезжаешь прямо через них. Давай так: ты все равно едешь на Юг... Заедь по дороге в этот замок. Посмотри, что можешь сделать. Если в самом деле будет трудно, ладно – езжай дальше. Но просто заскочи по дороге, прошу тебя. Это пообещать можешь?

Я поколебался, покачал головой.

– Ну, если только так, то... могу. И если это в самом деле по дороге.

Он заверил:

– Твои земли, как и вся Армландия, упираются в Хребет. Если не ошибаюсь, то и начало пути к Перевалу на твоих землях. А то и сам Перевал, если кому охота назвать своими голые и мертвые горы.

Я хмыкнул.

– Тогда уж и сам Хребет?

Он развел руками.

– По крайней мере, северная половина Хребта. Граница между моим королевством и королевством Брохвил, где правит Кейдан, проходит как раз по вершинам Хребта. Так что можешь называть себя хозяином Хребта...

– Попролам с королем Кейданом, – буркнул я. – Вот уж мразь...

– Что, уже и с ним пообщался?

– Да вот как с вами, – объяснил я.

Он посмотрел с подозрением.

– Что, и он... такой же?

– Намного хуже, – сообщил я. – Вы, Ваше Величество, крупный тиран и злодей, а он... мелочь, даже смотреть противно.

– А-а, – протянул Барбаросса с облегчением, – ну тогда другое дело. Спасибо, утешил. Умеешь же ты находить хорошие слова!

– Дык я Карнеги читал. Это такой старый маг, учил, как подлизываться и нравиться. Ладно, Ваше Величество, все это так... рассуждения. Сколько вы мне собирались дать войск?

Он вскинул брови.

– Войск?

– Ваше Величество, – сказал я, – не надо делать вот эти прыжки в сторону. Там укрепленный замок, а хозяйка вовсе не стремится согнуться под вашей властью. Если я проеду в ворота один, меня просто повесят прямо там же, не дав

увидеть замок.

Он вздохнул, лицо сразу постарело.

– Сэр Ричард...

– Да?

– Вы лучше поймете мое положение, когда скажу, что... не могу дать ни одного человека. Вы видите, что творится здесь? Во всей столице не наберется сотни верных людей. Вы хотите, чтобы я отдал их вам?

– Хочу, – согласился я. – Хотя, конечно, там и сотни будет мало. Если хозяйку поддерживают окрестные лорды.

– Вот-вот, – сказал он невесело. – Если я вам отдам всех верных людей, то и вам это не поможет, и я окажусь голым... Так что ехать вам, сэр Ричард, одному.

Я внимательно посмотрел ему в лицо.

– Вам в самом деле не приходит в голову, что я откажусь?

Он взглянул мне в глаза, отвел взор. Из груди вырвался глубокий вздох.

– Приходит. Вообще-то любой нормальный отказался бы сразу. Но у меня надежда, что вы – ненормальный. На нормальных мир держится, это истина, но тащат его ненормальные. Я твержу вам о тех богатствах, землях, городах и многочисленных деревнях, которые станут вашими, но на самом деле трусливо надеюсь, что вы согласитесь совсем не потому...

– А почему?

Он развел руками.

– Города и земли получить трудно, а голову за них сложить легко. Однако паладины руководствуются другими мотивами, благородными и высокими...

Я сказал с раздражением:

– Ваше Величество, вам придется пересмотреть свои замшелые взгляды о паладинах. У меня свой устав. Весьма заметно отличающийся... да, отличающийся. Так что не надо мне о благородстве, мы не на митинге, а я вообще-то никогда не подаю. Из принципа. Вот такое я говно. Так что я с утра отбуду обратно в порт. Мне на Юг надо, а не на южный край вашего медвежачьего королевства!

– Не медвежьего, – возразил он. – Не забывайте, что Перевал лежит именно в пределах моего королевства. Единственный путь на Юг...

– Не единственный, – напомнил я. – Там дальше есть еще один.

– Тот намного хуже!

– Неважно, да и дело не в этом. Давайте, Ваше Величество, отложим этот вопрос до утра. Хорошо?

– А утром ты смоешься втихую? – спросил он горько.

– Я ж не англичанин, я обязательно попрошаюсь. И вообще, Ваше Величество... Король должен быть хитрым и коварным, а я ваши хитрости вижу насквозь. Вы решили, что когда я увижу те богатства, которые там мне обещаны, то умилюсь, принесу вам присягу и начну разводить овец? Или что там разводят?..

Барбаросса помрачнел, видно, что именно это и замыслил, но возразил достаточно уверенно:

– Вообще-то разведение овец дает высокую прибыль – это все знают, но дело не в этом. Те земли слишком важны, чтобы их вот так взять и отдать врагу. Не противнику, а именно врагу. Я плохой сын церкви, но все-таки не выношу, когда церкви жгут, а священников убивают, взамен насаждая какие-то мерзкие культы... Потому и прошу помочь удержать их под моей рукой. Сейчас моя рука – рука церкви, если тебе так ближе.

Я порывлся в памяти, удивился:

– Кстати, это что же, выходит, я уже дважды проезжал через те земли? Когда ехал к Перевалу и когда возвращался?

– Да, – ответил Барбаросса и посмотрел на меня внимательно. – Что-нибудь заметил?

Я пожал плечами.

– Ваше Величество, туда ехали компанией, занимая друг друга беседами и по сторонам не смотрели. А обратно...

Я умолк, он посмотрел на меня и кивнул понимающе.

– Можете не объяснять. Я понимаю, что если вы еще вчера были по ту сторону Перевала, то...

– Вот-вот, – подтвердил я, – кстати, мы двигались по весьма широкой дуге... И петляли. Это, значит, обходили опасные места?

Он кивнул, лицо помрачнело.

– Там единственная более или менее нормальная дорога.

Но и по ней войско не провести, слишком много мест, когда нужно проходить по узким горным тропам. Любой камешек сверху сметет любого героя... Да и то дорога проходит мимо Армландии. А в самую Армландию где-то есть и прямая... или почти прямая тропка через все опасные болота, пески и прочие места. Да-да, прямо в само сердце Армландии: во владения де Бражеллена, то бишь ваши...

Я поинтересовался:

– Так почему даже не попробовать двинуть туда войско? Небольшое, хотя бы пугнуть?

Он посмотрел на меня хмуро.

– Это как?

Я спохватился.

– Извините, Ваше Величество. Я забыл, ваше положение все еще нестабильно.

Он отмахнулся.

– Не это главное. По той тропке войско не проведешь. Особенно если она тянется, не расширяясь, на сотню миль... К тому же никто здесь не знает, где она пролегает. Знаем, что есть, существует... Если отыщешь, сумеешь попасть туда намного быстрее.

Я покачал головой.

– Завтра я возвращаюсь в порт. И так я пропустил такой корабль, такой корабль!..

Утром, я еще едва-едва продираю глаза, явился Уильям Маршалл. Не смущаясь, что я еще в постели, передал мне на-

стоятельную просьбу Его Величества съездить в монастырь Святого Бенедикта, это почти рядом с городом, и... договориться о помощи.

Самому Барбароссе, как мы оба понимаем, гордость не позволяет идти на поклон к тем, кого обидел, а вот я, к которому архиепископ Кентерберийский отнесся некогда с такой симпатией и кого ставил в пример, могу восстановить прерванные взаимоотношения. А потом сам король проводит меня до ворот города, если уж сэр Ричард решился ехать на неведомый Юг.

Я посмотрел в упор:

– А то вы не знаете, что архиепископ лишил меня палатинства?

Маршалл помялся, проговорил с неловкостью:

– Его Величество... справедливый король. Но крут и вспыльчив, увы. Поссорившись с церковью, он потерял могущественного союзника. Более того, поставил под удар церкви своих сторонников. Однако он лучший из окрестных королей... И даже лучше тех, кто мог бы претендовать на трон.

Я скривился.

– Знаю. Видел их. Вообще говно.

Он криво улыбнулся.

– Вы тоже чересчур категоричны.

– Я имею в виду, – пояснил я, – в королевском кресле. А так достойные люди, каждый на своем месте. Но королем из них никто быть не может... а если станет, Господи, спаси

эту страну! Чтобы стать королем, нужно быть одним человеком, чтобы быть им – другим. Барбароссе это как-то удастся, хоть стать удалось ему легче, чем быть.

– Так вы можете отправиться послом к архиепископу?
Я покачал головой.

– Увы, нет. Он успел ударить, теперь я не паладин, а простой рыцарь, как и тысячи других. А если так, то оскорбительно будет посылать не самого знатного к такому лицу.

Он помрачнел.

– Да, вы правы. Пойду доложу Его Величеству. Надо искать другой вариант.

Я объяснил Стефэну, что знатность знатностью, но доступ в королевский замок должен быть резко ограничен. А те, кому оказана такая милость, должны быть под наблюдением. Мол, не у себя дома, здесь такие порядки. По всем комнатам скитаться нельзя, есть приемный зал, а также есть малый приемный. Для особо секретных переговоров Его Величество может пригласить кого-то в свой кабинет, но за дверь в это время должны бдить стражи с мечами наголо.

Рыцарь бледнел и краснел, с ужасом представляя себе, что на нем теперь и такая неприличная функция.

Я сказал непреклонно:

– Сэр Стефэн, такова дворцовая служба. Королей везде стараются либо мечом по голове, либо кинжалом в спину или под ребро. Их травят, душат... да что с ними только не делают! Потому для сохранения их жизни никакие меры не

чересчур.

– Ох, сэр Ричард...

– Что?

– Сделаю, хоть и противно.

– Надо, Стефэн, надо.

– Это работа не для рыцаря!

– Политика чистой не бывает, – сказал я нравоучительно. – Не знаю почему, но так говорят. Наверное, уже пачкались. И еще... расскажите мне о всех, у кого есть допуск. В смысле, кто имеет честь находиться при дворе.

Он послушно рассказывал, я направлял его наводящими вопросами, в конце концов картина получилась удручающая. По крайней мере трое могут претендовать на трон, а значит – претендуют, с ними всегда их свита, эти постоянно ведут работу, склоняя на свою сторону близких к королю людей. Даже Стефэну, несмотря на его явную личную преданность Барбароссе, намекали, что при новом короле он получил бы гораздо больше.

– А вот здесь поподробнее, – попросил я. – Кто, как, когда? Возможно, это и есть нынешние заговорщики. Возможно, завтрашние. Но что заговорщики – сомнений нет.

К полудню я собрал верных королю людей и начал своеобразную зачистку дворца. Присвоив себе чрезвычайные полномочия, попросил немедленно удалиться всех, кроме охраны, туманно намекнув, что некое заклятие прокатится по всем этажам и даже подвалам, может убить и покалечить и

тех, кто ни в чем не замешан. А потом, дескать, Его Величество снова откроет ворота дворца для верных ему людей.

Народ, то ли храбрый до дурости, то ли дурной до храбрости, противился, заявлял, что ничего не страшится, у насде амулеты и даже талисманы, защищающие от всего на свете, но я взял с собой пятерых самых рослых стражей и поторапливал, угрожая остриями копий и обнаженными мечами. Мол, кто противится указу короля, тот враг, а с врагом церемониться нечего.

К счастью, операцию провели быстро, застигнув всех врасплох, не дав опомниться. Точно так, как проделал со мной архиепископ. Уже потом, на площади, собралась галдящая толпа вельмож и придворных, обсуждали, что же произошло на самом деле. Надо отдать должное, догадки в большинстве случаев оказывались верными.

К вечеру в столицу прибыли еще конные рыцари. Перед дворцом образовалась уже не просто галдящая толпа, а вельможи начали формулировать требования к королю.

Я быстро сказал Стефэну:

– Собери всех верных людей. Расставь арбалетчиков. Командование принимаю я, а то ты слишком мягкий.

– Я мягкий?

– Ты, – сказал я. – Знаешь ли, этих декабристов нужно сразу... Потом крови прольется намного больше.

– Сэр Ричард, – вскрикнул он шокированно. – Как можно?

– Можно, можно, – уверил я. – Человек – такая скотина,

что может все.

В дворцовой страже, как я настоял еще сразу после Калалаунского турнира, только простолюдины, ими управлять легче, меньше гонора и рассказов о своих привилегиях, поэтому я собрал их и сказал без обиняков:

– Противники короля вывели народ на площадь. Нужно ударить со всей жестокостью. Не щадить, в плен не брать. Ясно?

– Ясно... – прогудели в ответил нерешительные голоса.

Я пояснил:

– Потом с этими пленными нахлебаемся. Это поняли?

Наконец у всех заблестели глаза, все взыграли, а я видел, что обращаюсь по адресу. Это рыцари стараются щадить друг друга даже в кровопролитных вроде бы войнах, они члены одного рыцарского клуба: сегодня служат одному королю, завтра – другому, так прилично ли убивать друг друга? А вот брать в плен, чтобы затем получить выкуп, – другое дело.

А вот простолюдинам брать в плен рыцарей смысла нет, все равно выкупа не получают. А как приятно сбить с коня надменного вельможу, втоптать в грязь, а потом перерезать глотку! И вообще эти сволочи, что смотрят свысока, должны получить по заслугам.

– Они должны получить по заслугам, – повторил я их мысли вслух. – Всю ответственность беру на себя я, граф Ричард Длинные Руки. Вы только выполняете мои команды. Как хорошо быть ни в чем не виноватым, совсем простым, совсем

простым солдатом!

Они вышли через боковые входы, арбалетчики скрыто заняли позиции на крышах и стенах, а я вывел небольшой отряд прямо из центрального входа.

– Господа, – сказал я громко еще со ступеней. – Прошу вас разойтись и приступить к своим обязанностям. Вы мешаете королю мыслить над картой о судьбах цивилизации и всеобщей победе барбароссизма во всем мире.

На меня смотрели с изумлением и гневом, наконец один из вельмож выступил вперед, лицо багровое, отдувается, ответил еще громче:

– Мы не знаем, что творится в этом королевстве!.. Король должен выслушать наши требования и принять их немедленно...

– Король выслушивает просьбы, – отпарировал я. – А если требования, это уже бунт, мятеж, фронда, оранжизм или даже оранжевизм...

За спиной вельможи закричали, заблестало обнаженное оружие. Вельможа еще больше возвысил голос:

– Требуют самые знатные люди!

– Перед Богом нет ни знати, ни черного люда, – ответил я громко, чтобы хорошо слышали арбалетчики и дворцовая стража. – Мы все просто люди. Но люди есть хорошие и есть плохие... Залп!

На площади все еще оторопело смотрели на меня, а воздух наполнился злым вжиканьем. Короткие стальные бол-

ты пробивали доспехи, как бумагу. Толпа заволновалась, я вскинул меч и крикнул снова:

– Очистить площадь!.. Кто не подчиняется королевскому приказу, да будет убит!

Сэр Стефэн, увидев взмах моего меча, повел своих в атаку. Второй отряд ударил с другой стороны, а я повел десяток воинов, что со мной, прямо в центр.

Арбалетные стрелы прекратили зловещий свист, но дворцовые ребята ударили с таким пылом и яростью, что мятежники и просто фрондирующие качнулись и начали в беспорядке отступать.

Их били и гнали, пока не очистили площадь, а потом преследовали в переулках и улицах. Я остался, оглядывая площадь. Ее очистили от живых, но трупов немерено, я подождал своих людей и велел жестко:

– Если эти выживут, королю придется долго оправдываться. Вы поняли?

Они все поняли, быстро рассыпались по площади, осматривая раненых. В руках блистали короткие ножи, и, когда сэр Стефэн вернулся, на площади в тишине солдаты с моего разрешения стаскивали дорогие доспехи, забирали оружие, торопливо срывали с пальцев перстни и кольца.

Из моих людей никто не погиб, хотя трое ранены достаточно серьезно, и пятеро отделались разбитыми латами и царапинами. Я привычно опустил на одного ладони, сосредоточился, чтобы перелить своей жизни, такова жертвенная осо-

бенность паладинов... и, не успев вспомнить, что я уже не паладин, как глубокая рана закрылась, вытекающая кровь застыла и начала осыпаться коричневыми струпами.

Раненый воспрянул, но глаза дикие, прошептал в восторге:

– Это что же... вы паладин?

– Похоже, – ответил я и перешел к другому.

Бывший раненый пошел следом, сказал уже громко:

– Дык в задницу такого архиепископа, который пытался вас лишить паладинства! Вы жизнь отдаете, чтобы простых солдат лечить!..

– Не всю, не всю, – сказал я и перелил жизни второму, третьему. Легко раненым я жестом напомнил, что можно лечиться вином, пивом и бабами. – Просто у архиепископа что-то не получилось...

Вдруг солдаты притихли, на площадь, звонко высекая искры по булыжной мостовой, вкатила повозка, обитая красным шелком, в такой ездит архиепископ.

Повозка остановилась, выскочили двое, поставили скамеечку. Архиепископ вышел, лицо гневное, с ужасом посмотрел на усеянную трупами площадь.

– Это что... это недопустимо!.. Такой король не может быть королем! Так поступать со своими подданными...

Солдаты поспешно обнажили головы, но архиепископ и не смотрел на них, грозный и низвергающий молнии. Солдаты начали опускаться на колени, власть и авторитет церкви

велик, особенно среди простого люда, я ощутил огромную опасность, если сейчас промедлю...

– А, – сказал я громко, – прибыл еще один жулик!.. Но опоздал, опоздал... Признавайся, мужик, за сколько рясу купил?

Архиепископ посмотрел на меня остановившимися глазами.

– Что-о-о?

– Не купил, а украл? – поинтересовался я. – А крест тоже краденый?

Архиепископ побледнел, глаза полезли на лоб:

– Что?.. Этот человек сумасшедший!

Один из солдат поблизости пробормотал:

– Ваше Преосвященство... он излечил мои раны.

Второй израненный сказал, приободрившись:

– И мне излечил. А так бы я к вечеру помер.

– И мне, – сказал третий. – Он паладин, Ваше Преосвященство. Он все-таки паладин!

Архиепископ задохнулся, словно от удара под дых, а я сказал громко:

– Вот думаю, не арестовать ли тебя, мужик, за кражу такой красивой рясы, за ворованный крест. И воровал бы потихоньку, никто бы и не раскусил, а тебе понадобилось за чем-то лишать меня паладинства... Вот и попался.

Народ оживал, смелел, уже все на ногах, начали раздаваться крики, что я паладин, даже великий паладин, раз излечил

сразу троих, да так излечил, что совсем здоровые...

Архиепископ побледнел, схватился за крест. В народе заговорили все громче и громче, голоса стали рассерженными. На архиепископа бросали злые взгляды, кое-кто снова взял в руки топор, меч, копьё. Архиепископ побледнел, начал оглядываться затравленно.

– Прокол, – сказал я злорадно, – какой прокол!.. Вы думали, Ваше Преосвященство, что это только звание?..

Из дворца вышел в сопровождении двух рыцарей сэр Уильям Маршалл, великий знаток рыцарских законов, прислушался к гулу голосов и произнес гулким голосом, ни к кому не обращаясь:

– Насколько я помню этот свод, конклав не лишает паладинства. Конклав только утверждает в паладинстве... Паладином же рыцарь становится сам, своим благородством, своими поступками.

– Как это не лишает? – взвизгнул архиепископ. – Как возводит в паладины, так и низводит!

Сэр Маршалл покачал головой, старый мудрый лев, все еще величественный, могучий, которого слушают с великим почтением.

– Даже не возводит, – поправил он. – Утверждает! Паладином рыцарь становится сам. Только магистр рыцарского ордена может определить, кто из его лучших рыцарей может носить этот титул, потому что это не только титул... А конклав утверждает решение Великого магистра.

Архиепископ возразил быстро:

– Конклав не утверждал сэра Ричарда паладином!

Солдаты, которых я так возвысил, дал расправиться с заносчивыми рыцарями и даже позволил ограбить их трупы, грозно зашумели, готовые сражаться за меня с самим чертом. Маршалл вскинул руки, утихомиривая, сказал примирительно:

– Считаете, это важно? Или что-то в паладинстве сэра Ричарда изменится?

Архиепископ стиснул челюсти, молчал, но по его виду я понял, что не уступит. Разговор становился все горячее и бессвязнее, наконец я приблизился к архиепископу и сказал негромко:

– Ваше Преосвященство, можно вас на пару слов?

Он посмотрел с удивлением, поколебался, наконец произнес сухо:

– Дорогие друзья, мне изволится поговорить с сэром Ричардом наедине.

Я отвесил всем короткий поклон, мы подошли к повозке архиепископа. Он резким жестом услап прочь слуг, поднялся в повозку, я влез следом. Он опустил на сиденье, злой и расстроенный, я закрыл за собой дверь и сел напротив. Он уже смотрел на меня ничего не выражающим взором, настоящий дипломат.

– Ваше Преосвященство, – сказал я в лоб, – не будем ходить вокруг да около. Барбаросса сваял дурака. Он привык

все решать силой и натиском, но не заметил, что мир меняется. У него уже не то разоренное королевство, трон которого он захватил когда-то. А богатым и просвещенным народом нужно управлять иначе, чего не понял... Но я с ним уже провел беседу в нужном церкви русле, он свою ошибку признает. Уже признал. И хочет примириться с вами. Но, сами понимаете, человек он гордый...

Архиепископ слушал бесстрастно, а когда я сделал паузу, произнес холодно:

– А церковь, значит, должна идти на поклон?

Я покачал головой.

– Гордыня, конечно, смертный грех, но я понимаю, что без гордыни не было бы и рыцарства. И церковь у нас гордая, привыкла держаться с достоинством. Думаю, вам нужно просто начинать работать вместе, даже не упоминая о разногласиях. Все пустяки, если вдуматься, в сравнении с интересами королевства! Даже человечества. На одной чаше весов – ущемленные личные амбиции, на другой – сотни тысяч пока еще живых людей! Не нужно терять время. Начните работать, а я с вашего позволения и благословения понесу святой свет церкви... гм... дальше. Говорят, на Юге сатанинские культы прям цветут...

В глазах его впервые появилось какое-то выражение. Пока еще сомнение, но это уже что-то. Все тем же холодноватым тоном спросил:

– А что вы хотите лично для себя?

Я пожал плечами.

– Вообще-то мне ничего не нужно. Ну разве что на дорожку можете объявить, что вопрос о моем паладинстве закрыт за отсутствием улик... или чего-то там еще. Словом, церковь снимает возражения.

Он подумал, кивнул.

– Если Барбаросса, как вы говорите, в самом деле осознал свои ошибки и раскаялся, то церковь примет блудного сына и дарует ему прощение. И, конечно же, со всем рвением восстановит свою деятельность по всему королевству в полном объеме... Ну, а что касается вас, сэра Ричард, вы снова показали себя очень здравомыслящим молодым человеком. Прощу извинить за обвинения, но вы сами понимаете...

Я прервал:

– Не нужно длинных слов! Меня считаете человеком Барбароссы, а раз так, то вам нужно было ослабить и меня тоже. Это понятно, с моей стороны никаких обид.

– Точно? – спросил он с удивлением и странным интересом.

– Точно-точно, – заверил я. – Я же понимаю, ничего личного.

Он покачал головой.

– Надо как-нибудь побывать в том королевстве, откуда вы родом. Думаю, для церкви там работы непочатый край.

– Да, у нас запущенно, – согласился я. – Кстати, вы тоже простите меня за резкие выражения. Просто у нас быют-

ся любым оружием, что под рукой. Когда надо, хватаемся и за простую дубину народной войны, хоть мы и благородные рыцари. Если припрет к стене, то бьем и ниже пояса, как денисы давыдовы... как вот сейчас.

Когда я вышел из повозки и улыбнулся Маршаллу еще издали, он с явным облегчением перевел дыхание.

– Слава богу, не подрались...

– Разумные люди не дерутся, – сказал я. – Разумные всегда приходят к консенсусу.

Он торопливо перекрестился.

– Господи, слова-то какие! Не иначе, сатанинские...

– Это точно, – согласился я.

– Так зачем же?..

– Мы берем то, – объяснил я, – что работает. Хоть инструмент бывает в дерьме...

– Консенсус... инструмент? Не знаю, что это такое...

– И не надо, – прервал я не очень вежливо. – Все, я сделал даже больше, чем собирался. Сейчас я с чистой совестью могу отправляться...

Маршалл прервал в свою очередь:

– Сэр Ричард, в силе та крохотная просьба, уже совсем крохотная. Теперь никто не мешает вам съездить в монастырь Святого Бенедикта. Ну прошу вас! Это очень важно.

– Хорошо, – ответил я. – Все равно корабль пока не ждет у причала. Хотя, может быть, пришел какой-то неведомый... Ладно, сегодня съезжу в монастырь, но...

Маршалл слегка поклонился.

– Слушаю вас, сэра Ричард.

– Уеду не завтра, а сегодня. Как только завершу миссию и доложу Его Величеству о выполнении.

– Стоит ли ехать на ночь?

– Постараюсь выехать еще до вечера, – сказал я.

Наскоро позавтракав, я вышел из дворца, там уже ждут пятеро рыцарей, которым сэра Стефэн передал королевское повеление сопровождать меня, дабы не было урона моей чести. Я кивнул им, тут же забыв о них, и, покачиваясь в седле, размышлял о положении в королевстве.

Полагаясь на силу рук и вес своего меча, Барбаросса как-то позабыл, какую исполинскую силу являет собой церковь. Да и не миновала его мода на пренебрежительное отношение к церкви, местные церковники оказались, на беду, тоже слишком уж людьми: обиделись и сказали, мол, давай правь, как хочешь, а мы займемся только духовными делами.

В результате сектанты едва не поставили на уши все королевство, Барбаросса уцелел чудом, вообще-то это чудо – я сам, но все равно, могло быть гораздо хуже. Теперь вот лично еду в ближайший монастырь налаживать отношения с черным монашеством. Эскорт хорош, без него буду казаться безродным бродягой. Вообще-то рыцари моего ранга уже и не просто рыцари, а лорды и выезжают за ворота только в сопровождении огромных толп вассальных рыцарей, оруженосцев, пажей, слуг, челяди...

В монастыре я пробыл полдня, наладил контакты, настоятель и сам хотел бы улучшений отношений с королем, так что особенно не пришлось плести интриги. Договорились, что монашество, как черное, так и белое, снова выйдет в мир и начнет вмешиваться в жизнь намного активнее. Что делать, слуги Сатаны не сидят взаперти, а ходят по дорогам и сеют смуту, так что нужно уметь вылавливать, а отравленное вовремя залечивать... или выжигать каленым железом, что срабатывает совсем неплохо.

В конце концов нас угостили превосходным монастырским вином, велели передавать Его Величеству всего доброго, и я выехал очень довольный. Точно так же ехали веселые и хохочущие рыцари за моей спиной. Их тоже угостили на славу, жизнь хороша, кони идут бодро и споро, дорожка вьется по опушке леса, так что с одной стороны густая тень, с другой – заходящее, но еще очень яркое солнце.

Я услышал за дальним кустами щелчок, моментально ощутил опасность, но сильный скрежещущий удар в спину заставил ткнуться лицом в конскую шею. Взвыв от резкой боли, я невольно ухватился за ушибленное место, с ужасом обнаружил металлический прут, что пробил панцирь и глубоко погрузился в тело.

Преодолевая боль, я прохрипел:

– Вперед... Захватить эту сволочь!

Рыцари бросились к кустам, я выдернул меч и сам послал Зайчика вперед. Копыта с грохотом ударили в землю, я до-

гнал и сразу же обошел своих рыцарей. Кусты распахнулись, как трава, по ту сторону хватаются за мечи четверо в прекрасных доспехах, а маркиз Плачид с бледным лицом застыл, не веря глазам.

Я выхватил меч, маркиз поспешно опустил арбалет и, упершись в петлю ногой, начал натягивать стальную дугу. Чужаки в доспехах бросились ко мне, но в это время через кусты проломились мои рыцари. Я пустил коня наискось, смял и опрокинул троих противников вместе с конями, четвертого зарубил без всякой жалости.

На этот раз чувство опасности стегнуло, как крапивой: я поспешно пригнулся, над головой неприятно вжикнуло. Когда я разогнулся и пустил коня к маркизу, он, видя, что не успевает, отбросил арбалет и выхватил меч. Глаза его не отрывали взгляда от моего перекошенного болью и смертельно бледного лица. Я чувствовал щекочущую струйку, что пробирается к пояснице, там дальше не пускает тугой пояс, я спешно заращивал рану, сейчас восстанавливающаяся ткань медленно выталкивает стальную стрелу из тела.

– Сдавайся, – велел я.

Он оглянулся, мои рыцари быстро обезоружили оказавшихся на земле его людей. Трое из них с такой силой грохнулись о землю, что и сейчас сидят, оглушенные, и трясут головами, еще не понимая, что у них отобрали все оружие. Мои рыцари стоят над ними с обнаженными мечами, готовые жестоко оборвать любое сопротивление.

– Хорошо, – сказал Плачид надменно. – Я сдаюсь...

Он швырнул меч мне под ноги, отступил, посмотрел с холодным торжеством. Я сказал, не отрывая от него взгляда:

– Конгер, Цурикгоф!.. Свяжите своим пленным руки.

Они помедлили в нерешительности, а один из пленных рыцарей вскрикнул негодуя:

– Что? Нам?

– Вам, – ответил я и добавил: – Если кто будет противиться – рубите головы. Перед королем отвечаю я.

– Сделаем, – ответил Конгер, сразу оживая. Он сдернул с одного из рыцарей перевязь и сказал недобро: – Сэр Будакер, вы подчинитесь или мне сразу бить вас по голове?

Рыцарь фыркнул, сказал надменно:

– Я подчинюсь. Но я посмотрю, что с вами сделает король, когда приедем во дворец.

Конгер заколебался, я сказал резко:

– Отвечаю я! Конгер, ты не слышал моего приказа?

Оба засуетились, быстро и умело связали руки всем пятерым. Маркиз скрестил руки на груди и наблюдал с холодной ядовитой усмешкой.

– Ничего, – произнес он многозначительно, – это не конец. Доберемся до дворца, там вы запоете по-другому.

– Доберемся, – отрезал я. – Но не все. Конгер, Цурикгоф!.. Вы вроде бы самые расторопные? Приготовьте веревку с хорошей петлей. Не обязательно шелковую. Для того, кто стреляет в спину, годится и простая.

Глава 6

Маркиз продолжал надменно улыбаться, но когда Конгер подошел с веревкой, в глазах впервые мелькнул страх. Он все еще не верил, когда ему связали руки и посадили за коня. Цурикгоф держал под уздцы, а Конгер набросил маркизу петлю на шею, чуть затянул, чтобы голова не выскользнула, затем неуклюже влез на дерево и закрепил другой конец на толстой ветке.

– Этим меня не испугаете, – прохрипел маркиз, покосился на хмурого Цурикгофа, остальных моих рыцарей, взглянул на меня, бледность перешла в синеву. Он закричал тонким голосом: – Пощадите!.. Я не знаю, что на меня нашло!.. Я собирался вызвать вас на поединок, но потом как-то.. сам не знаю... Увидел арбалет у сэра Будакера и решил...

– В аду расскажете подробности, – ответил я. – Цурикгоф, пошел!

Цурикгоф отбежал, держа коня под уздцы. Веревка натянулась и сдернула маркиза с седла. Тело покачалось в петле, несколько раз дернулось, пленные рыцари ругались сквозь зубы, но никто не осмеливался выразить недовольство громче: Конгер многозначительно помахивал остатком веревки, мол, еще на одного-двух хватит.

Когда тело маркиза затихло и вытянулось, я услышал тихий скрежет. Болт, выталкиваемый заживающей плотью, вы-

пал и скатился сперва на седло, затем упал на землю. Рыцари смотрели на меня во все глаза, на лицах откровенный ужас.

Я повернулся к Цурикгофу.

– Привяжи коней к своему, отгони в замок. Потом поделите, этим преступникам больше не понадобятся. А ты, Конгер, с остальными погонишь это стадо. Рыцари обязаны бегать быстро даже в самых тяжелых доспехах. Если кто начнет отставать – руби. На хрена нам рыцари, которые не прошли курс рыцарской подготовки?

Рыцари поднимались на ноги, один проворчал:

– Вы думаете, вам это сойдет? Вы повесили маркиза Плачида!

– Ничего подобного, – отрезал я.

Он кивком головы указал на повешенного.

– Вот он, маркиз Плачид из рода Унгеров, наследник Вислагенетов и родной брат герцога Ланкастерского...

– Ничего подобного, – оборвал я. – Там висит мерзавец, стрелявший в спину. Или вы хотите сказать, что маркиз унился бы до такой гнусности?

Конгер с рыцарями повели пленников в тюрьму, а я сразу же отправился с докладом к Барбароссе. К моему удивлению и неудовольствию, в кабинете Маршалл, сэр Стефэн и еще не меньше десятка знатных лордов, которых я видывал в окружении Барбароссы, но не запомнил в силу их обычности.

Я хотел отступить, но Барбаросса властно махнул рукой.

– Сэр Ричард? Идите сюда. Садитесь, рассказывайте.

На меня все смотрят с настороженным любопытством, некоторые помнят, что я сыграл не последнюю роль в спасении короля от заговорщиков, а теперь еще и эта важная роль примирителя с духовенством, которую король возложил именно на меня, а не на Уильяма Маршалла, к примеру, или на кого-то из представителей старинных родов.

Я сел, сказал небрежно:

– Все в порядке, топор войны зарыт.

Король спросил, разом оживая:

– Что ответили в монастыре?

– Недоразумения забыты, – объяснил я. – Монахи берутся помогать. Я перекушу и тут же поеду. Но могу поехать и так.

– Хорошо, – выдохнул Барбаросса. – Нет-нет, без хорошего обеда в твою честь мы не отпустим!

Лорды довольно зашумели, духовенство – великая сила, и хотя короли время от времени пощипывают его, то отбирая у монастыря какой-то спорный клочок земли, то поддерживая город в тяжбе с монастырем, но разумные короли в то же время опираются на эти несокрушимые твердыни. И если Барбаросса примирился, вернее, его простили и с ним примирились, то тыл обеспечен надежный.

Я закончил рассказ, а потом, словно только что вспомнив, воскликнул:

– Да, Ваше Величество, а ваше посольство едва не закончилось весьма плачевно!

– Что стряслось?

– На обратной дороге, – пояснил я, – на меня совершили подлое нападение. Стреляли из кустов в спину.

Барбаросса нахмурился, ударил кулаком по столу.

– Сволочи! Поймать бы да повесить на ближайшем дереве...

– Что повесить, – возразил один из лордов, – таких нужно казнить прилюдно на площади, но сперва либо кожу содрать с живого, либо обрубывать руки и ноги медленно, по частям, чтобы другие ужасались и страшились таких дел!

Я развел руками.

– Должен сказать, что я поступил, как мудро заметил Его Величество. Поймал и повесил на ближайшем дереве.

Барбаросса сказал с удовлетворением:

– Прекрасно! Я рад, и что вы уцелели, и что мерзавец наказан. Хотя сэр Мюррей прав, с таких можно предварительно сдирать шкуры. Им-то все равно смерть, а вот чтоб другим неповадно было.

– Да, – подтвердил я. – Главная цель правосудия не в том, чтобы наказать именно виновного, а чтобы предостеречь остальных от дурных поступков. Но маркиз Плачид уже их явно не совершит...

Все насторожились, хоть и не до всех дошло быстро, наконец король спросил настороженно:

– А при чем здесь маркиз?

– Да это он стрелял из кустов в спину, – ответил я елеинным голосом. – Подумать только, благородный человек унизился

до того, что взял в руки простонародный лук! Нет, арбалет, что вообще-то одно и то же. Никогда бы не подумал...

Наступило ошарашенное молчание. Сэр Мюррей громко икнул, сконфузился, а сэр Уильям Маршалл спросил осевшим голосом:

– Вы повесили... маркиза?

– Я повесил мерзавца, – напомнил я, – как сказал Его Величество. Мерзавца, стрелявшего из кустов в спину.

– Но... это маркиз!

– Какой же это маркиз! – возразил я и обвел взглядом весь ошарашенный зал. – Разве маркиз может пойти на такое?.. Нет, это был мерзавец, а не маркиз.

Сэр Мюррей мрачнел, мрачнел, наконец проговорил медленно:

– Я не верю, что сэр Плачид мог пойти на такое. Я хочу обратить внимание Его Величества, что сэр Плачид служил вам верно, а то, что он занял нейтральную позицию при... гм... инциденте в прошлый раз, говорит лишь о его порядочности. Он не знал, кто победит: герцог Ланкастерский или вы, Ваше Величество...

Я сказал громко:

– Извините, что прерываю, я просто хочу сберечь ваше драгоценное время. Со мной было пятеро достойных рыцарей. Кроме того, мы захватили людей маркиза Плачида...

Сэр Мюррей фыркнул:

– Челядь какая-нибудь? Их слову нет веры.

– А моим рыцарям?

– Они... ваши.

– Хорошо, – уступил я. – Но мы благоразумно захватили и трех рыцарей, что были с тем мерзавцем, что стрелял... подумать только, маркиз!.. стрелял... как простолюдин...

Король смотрел на меня злыми глазами, готовый разорвать на клочья, проревел:

– Сэр Стефэн! Распорядитесь немедленно доставить сюда этих рыцарей!

Доставили троих, что сопровождали маркиза, те с достоинством назвались: сэр Симон де Монфор, сэр Раймон Голарен и сэр Будакер.

Первые двое отказались говорить, а третий, Будакер, хмуро подтвердил, что да, маркиз до такой степени возненавидел сэра Ричарда, что потерял самообладание в гневе и выстрелил в него из-за кустов из арбалета. Сэр Ричард был сильно ранен в спину...

– Ранен? – вскинул кто-то негодующе. – Вранье!.. Он здоровехонек, как и был.

Я повернулся к залу.

– Кто желает, может посмотреть и пощупать дырку в моем панцире. И продырявленную одежду. Эти дыры Господь оставил как доказательство, а рану он мне зарастил, ибо я паладин, а если рана получена благородным человеком от руки злодея, то у нас, паладинов, раны заживают с помощью веры и благочестивой молитвы.

Я уловил взгляд Конгера, что-то он не слышал никакой молитвы, а слышал совсем другое, что молитвой никак не назовешь, но смолчал, все-таки человек из моей команды, а остальные смотрят ошарашенно, потом начали переговариваться друг с другом, а на меня смотрели с великой опаской.

Барбаросса прорычал:

– Так был ранен сэр Ричард или нет?

Снова двое отказались отвечать, что косвенно свидетельствовало в мою пользу, а третий, который сэр Будакер, угрюмо подтвердил:

– Стрела ударила сэра Ричарда под левую лопатку. Хотя маркиз не арбалетчик, но выстрелил точно. Ели бы не... гм... странное умение сэра Ричарда... не уверен, что оно от Всевышнего, а не от Князя Тьмы, то сэр Ричард был бы уже мертв.

Я покосился на Барбароссу, по лицу короля на миг мелькнула тень тревоги, но не слишком, что меня уязвило, мог бы испугаться, что самый надежный из его рыцарей умер бы, а король прорычал с высоты трона:

– Маркиз Плачид поступил весьма не по-рыцарски. Но и сэр Ричард не должен был с ним поступать так...

– А как? – спросил я. – Привезти сюда, где его быстро бы отмазала многочисленная родня?.. А вы ему всего лишь погрозили бы пальчиком?.. Ваше Величество, все-таки надо выбирать: был это маркиз или был это мерзавец, стрелявший в спину. Я сейчас просто защищаю репутацию всего рыцар-

ства на свете, вы это понимаете?

В зале наступила тревожная тишина. Все замерли, смотрели то на меня, то на короля. Уильям Маршал кашлянул и сказал густым голосом:

– Можно мне?

– Говори, – буркнул Барбаросса.

Маршалл сказал тем же густым голосом, что когда-то перекрывал шум битвы:

– Маркиза вешать нельзя, а мерзавца, стрелявшего в спину, – надо. Потому я полагаю, что маркиза Плачида нужно было привезти сюда, снять с него рыцарское звание, отобрать золотые шпоры, перевернуть его щит, а затем повесить, ибо он уже будет простолюдином.

В зале оживленно заговорили, даже заулыбались, только лица трех вельмож оставались мрачнее грозовых туч. Родственники, понял я. Многовато у маркиза родни в королевском окружении, то-то он чувствовал себя так уверенно.

Однако на Барбароссу страшно смотреть, лицо становится то бледным, то красным, то лиловым, то вовсе синюшным, я некстати вспомнил, что маркиз доводится и ему каким-то дальним родственником по линии герцога Ланкастерского.

Сейчас он был жуток в гневе: высокий, худой, кожа да кости, но голос гремел с нечеловеческой силой:

– Сэр Ричард, вы совершили тяжкое преступление!.. Вы убили моего близкого родственника...

Я смиренно осмелился прервать:

– Ваше Величество, он стрелял мне в спину!

Он рывкнул:

– Молчать! Молчать, когда говорит король! Вы ко всему еще и сомневаетесь в моем королевском правосудии? Вы сомневаетесь, что, если бы подали жалобу, я не принял бы ее во внимание? Или не наказал бы маркиза по всей строгости королевского закона? Вы не считаете, что король стоит на защите справедливости?

Я смолчал, лишь склонил голову и развел руками. Это можно расценить как признание вины, но и как осознание, что с королями лучше не спорить, какую бы дурь ни пороли. Конечно же, король увидел только последний вариант и заорал люто:

– Эй, палач!..

В толпе придворных радостно зашушукались, начались волнение и суета, спешно искали палача, словно он стоит среди них, а не надо за ним спускаться в подвалы замка.

Уильям Маршалл наклонился к уху короля и пошептал что-то. Тот слушал, бешено вращая глазами, желваки вздулись, как рифленые кастеты, но с неохотой кивнул, а Маршалл поднял голову, перехватил мой взгляд и едва заметным кивком указал на выход.

Я поднялся, отвесил всем короткий поклон, не роняя достоинства рыцаря и графа. Все переговариваются быстро и взволнованно, а я пересек зал быстрыми шагами и вышел за дверь.

Едва створки захлопнулись за мной, дорогу загородили двое стражей с копьями. К нам почти бегом спешил сэр Стефэн. Лицо у него было донельзя несчастное.

– Сэр Ричард, – проговорил он, запинаясь, – по приказу Его Величества вас велено взять под стражу...

– Ого, – вырвалось у меня.

Он повторил несчастным голосом:

– Его Величество... приказ...

– Он рехнулся, – сказал я. – Прямо Калигула. Но приказы Калигулы исполняли... до поры до времени. Оружие сдать?

Он сказал поспешно:

– Насчет оружия ничего не сказано... напрямую, так что оставьте при себе.

– Хорошо, – сказал я. – И куда, в подземную тюрьму?

Он помедлил.

– Тоже ничего не сказано. А значит, отправляйтесь в свою комнату. Я только поставлю возле дверей стражу. И прошу вас не покидать ваши... апартаменты.

Наши взгляды встретились, он жутко покраснел, в глазах мольба, чтобы я сам взял ситуацию в свои руки, я же лидер, а он всего лишь честный солдат, но я лишь хмыкнул.

– Значит, домашний арест.

– Сэр Ричард!

– Да ладно, пошли.

Стражи тоже сочувственно сопели, я для них – герой, повесил самого маркиза. Об этом уже во всех казармах говорят

с восторгом. Приятно, когда вешают лорда такого ранга. Не отсекают мечом голову, а именно вешают.

Когда я переступил порог и закрыл дверь, слышно было, как они устраиваются под стеной в коридоре. Вряд ли будут препятствовать, если вздумаю совершить побег.

Я лег на лавку, закинул руки под голову и задумался. Взяли под стражу, но не отобрали оружия. Такая полумера вряд ли удовлетворит родню маркиза, сейчас они, конечно, настаивают на казни мерзавца, который посмел не просто повесить их родственника, но бросил несмываемую тень на весь их древний и благородный род.

А короли – это первые политики, которые для того, чтобы удержаться у власти... конечно же, ради высших интересов!.. научились сдавать своих сторонников, отказываться от своих слов, нарушать клятвы, ибо у настоящего властелина нет друзей, а есть только интересы... да-да, высшие, государственные, ради которых можно все, что вполне позволит себе человек, произошедший от обезьяны.

Пес чувствовал мое хреновое состояние, ставил на меня лапы, клал голову, вылизывал руки, заглядывал в глаза с немым требованием: ну скажи, что делать? Да мы их всех порвем на мелкие тряпочки, только скажи...

Глава 7

К вечеру пришел Барбаросса. Я встал и подчеркнуто смиренно поклонился, он раздраженно отмахнулся.

– Не прикидывайтесь. Я здесь неофициально, иначе бы сам вызвал вас перед свои светлы очи.

– Государевы, – поправил я с тем же подчеркнутым смирением. – И не вызвали бы, а велели доставить.

– Ну да, – сказал он подозрительно, – государевы. А что?

– У государя не могут быть светлы очи, – пояснил я кротко. – У него мальчишки кровавые в глазах. И сами глаза налиты кровью, власть обязывает!

Он сел за стол, лицо измученное, кости все еще торчат, а глаза выглядывают из пещер, хотя раньше были навывкате.

– Лучше бы я издох в постели!.. – сказал он зло. – Ты явился, чтобы еще больше замутить воду!.. Теперь против меня поднялись и те, кто помалкивал. Маркиз Плачид приходится родней могущественным ветвям рода Плантагенетов и Курциям. А еще, оказывается, и самим Тюдорам! До этого помалкивали, а теперь вот предъявили претензии...

– Какие?

Он в раздражении ударил кулаком по столу.

– Требуют твоей немедленной казни. А на тот случай, если захочешь ускользнуть, на все дороги и тропки уже выдвигаются отряды этих мятежных... почти мятежных баронов.

Нет, еще не мятеж, все эти приготовления подаются как помощь мне, законному королю, в поимке преступника.

Я пожал плечами.

– Вы не поверите, но неделю назад на меня охотился весь Тараскон как на преступника...

Он сказал ядовито:

– Не поверю? Как раз в это поверю!

– Спасибо, Ваше Величество, за веру в меня.

– Не за что, – буркнул он. – Ну как теперь выходить из положения?

– А что, другого варианта нет, как меня вздернуть?

Он пожал плечами.

– Может, и есть, но я его не вижу. А все требуют именно вздернуть, а про варианты умалчивают. Думаю, их никакие варианты не устроят. Разве что, если я и сам повешусь на соседней ветке.

Я тяжело вздохнул.

– Вам решать, Ваше Величество. С другой стороны, конечно, если смотреть ширше, то такая дворянская вольница играет прогрессивную роль... В смысле, ограничивает самодурство королей. Не дает превратиться в восточного деспота. Это я вам говорю как антрополог. Но в данном случае я, государственный, предпочел бы, чтобы ваша власть была крепче, а оппозиция – подавлена. Вот такие несовременные противоречия между долгом и чувством. Все-таки я временами от обезьяны, что делать. А иногда так и вовсе стыдно

сказать от кого...

Он не слушал, встал и, заложив руки за спину, с рассеянным видом прохаживался по комнате.

– Так что же делать... что делать...

– Если уж решите вешать, – сказал я ядовито, – пригласите из монастыря ребят, чтобы... э-э... причастили и отпели. Лишний повод помириться с церковью. И сблизиться.

Он буркнул:

– Какое это сближение? Они меня возненавидят еще больше!.. Не знаю уж, чем вы им угодили. Впрочем...

На его лице проступило новое выражение, взгляд пошел вдаль сквозь каменную стену.

– Вот-вот, – сказал я едко, – мысль пришла, так?.. Настоящий король должен из всего извлекать пользу. Даже из того, что само всплывает.

Он перевел на меня отсутствующий взор.

– Гм...

Я смотрел, как он круто повернулся и вышел. В коридоре дружно ударили рукоятями копий в пол, донесся успокаивающий голос Барбароссы, и все стихло.

Через зарешеченное окно я видел, как ночью при свете факелов бригада плотников быстро и споро поставила посреди двора деревянный помост. Ступеньки покрыли красным полотном и приколотили гвоздиками, но их всего три, так что полотно дальше игриво треплет ветерок. На телеге привезли длинное бревно и кучу толстых досок, стучали то-

порами, пилили и подтесывали, приколачивали, а когда подняли это сооружение, я зло выругался: посреди помоста во всей красе поднимается виселица!

С одной-единственной петлей. И хотя у короля в темнице хватает преступников, но можно не сомневаться, кому эту петлю наденут на шею.

Спать я не лег, во сне теперь нуждаюсь мало, просто лежал и перебирал по камешкам всю жизнь, вяло выясняя, где творил добро, где зло, где просто потакал своим инстинктам, а там на какую чашу весов упадет. Потом сообразил, что никакого перебирания не получается, а больше ломаю голову над тем, что же задумал Барбаросса. При всей упрощенности его натуры все же дикарская хитрость присутствует в каждой задумке. Да и коварства не занимать, одно только в плюс: действительно, не о себе думает, а как сделать, чтобы в его стране наступил мир и покой, дороги освободились от разбойников, а крестьяне чтоб богатели... с бедных много шерсти не настрижешь.

Ничего не придумав, под утро заснул, привычка ночью спать взяла свое, а утром проснулся от голосов за дверью, звона доспехов и оружия. В окно со двора донесся звонкий цокот подков по мощенному булыжником двору, потянуло дымком и привычным запахом конского навоза.

Раздался стук в дверь, и сразу же, не дожидаясь ответа, вошли двое слуг с большими подносами в руках, в дверной проем заглядывали стражи.

– Ваша милость, – сказал один слуга несмело, – завтрак извольте...

– Выгружай на стол, – разрешил я.

Пока они торопливо переставляли блюда на середину стола, я оделся, выглянул в окно. Виселица возвышается громадная, на ней хоть слона вешай. Ступени помоста и дорожка убраны кумачом, то ли знатного якобинца будут вешать, то ли самого железного Феликса.

Дверь тихонько захлопнулась, я вернулся к столу, в голове гудят и роятся, как голодные пчелы, суматошные мысли, стучаются в череп и друг о друга, но так и не высекают нужную искру понимания. На пяти тарелках деликатесы: приговоренному к смерти всегда почему-то дают нажраться, то ли готовят в дальний путь через пустыню, то ли дразнят наполедок: мол, не надо было преступничать, вишь, чего лишешься!

Когда в коридоре зазвучали тяжелые шаги, у меня все еще оставалась надежда, что виселицу приготовили не для меня. Все-таки это чересчур. Как бы много Барбаросса ни выиграл во мнении феодалов, от которых зависит, но потеряет уважение воинства рангом ниже, эти как раз на моей стороне.

Дверь распахнулась.

– Сэр Ричард!

Я поднялся, в коридоре сэр Стефэн, за его спиной не меньше десятка закованных в доспехи крупных мужчин. Пахнет напряжением и страхом. На лице Стефэна отчаяние,

он побледнел и смотрит на меня умоляюще. Когда я потянулся к молоту, в глазах молодого рыцаря появилось облегчение, знает, что одного броска достаточно, чтобы очистить коридор, а все это воинство будут отскребать от стен, но я повесил молот на пояс, подумал было взять и меч, но это чересчур, кто же идет на казнь, опоясавшись мечом, сделал шаг на середину комнаты.

– Да, сэра Стефэн?

Он почти прошептал:

– Сэр Ричард... Его Величество и весь двор уже собрались. Ждут только вас.

Я усмехнулся.

– С моей стороны было бы невежливо заставлять Его Величество ждать... а если там еще и дамы...

– Да, – подтвердил он убитым голосом, – там и дамы.

– Что вы пригорюнились, сэра Стефэн, – сказал я мужественно, – дамы тоже люди... ну, почти. Как упустить такое зрелище?

Он сказал хмуро:

– Алевтина, супруга Его Величества, всю ночь ссорилась с ним, умоляла помиловать вас. Пригрозила, что уедет к родителям и потребует развода, если увидит вас в петле.

Я сказал оптимистически:

– Вот видишь, стоит оказаться на эшафоте, чтобы увидеть, кто как относится к тебе на самом деле! Никогда бы не подумал, что Алевтина... гм, я ее почти и не знал...

Стражи подались в стороны, я вышел в коридор, но двое все же пошли впереди, взяв меня таким образом в коробочку. Впереди раздавались крики, звон железа: стражи оттесняют пиками народ, что толпится по обе стороны зала, жадно глаза на графа, которого повесят за то, что он повесил маркиза.

Солнечный свет ударил по глазам, огромный двор уже заполнен ярко и празднично одетым народом. На другом помосте, тоже собранном за ночь, расставили с десяток кресел, одно с высокой спинкой, помост тоже устлан красным полотном, точно таким же, как и эшафот. Пышно одетые лорды, один другого важнее и могущественнее, торопливо поднимаются по ступенькам и плюхаются в кресла. Кое-где вспыхивает перебранка, когда кто-то осмеливался сесть не по чину близко к креслу с высокой спинкой.

Я в окружении стражей поднялся на эшафот. Палач в красной рубаше и кожаном капюшоне, что зубчатыми краями опускается до середины груди, прохаживается картинно, выпячивает грудь и поигрывает могучими бицепсами. Сбоку от виселицы установлена плаха с воткнутым в нее огромным топором. Палач то и дело любовно поглядывал на отполированную его ладонями рукоять, явно рубить головы интереснее, чем вешать. Вешать хоть и позорнее, но нет брызг крови, голова не отпрыгивает, отсеченная могучим ударом, нельзя схватить ее за волосы и поднять высоко вверх, показывая орущей от восторга толпе.

Я прошел мимо плахи, вспоминая, что Мария-Антуанетта велела палачу, чтобы рубил поаккуратнее и не испортил ее замечательной прически, а великий Томас Мор сказал палачу: дружище, размахнись получше, у меня шея толстая!

Среди собравшегося народа начал проталкиваться бойкий пирожник, за ним мальчишка продавал холодную воду. Торговля шла бойко, в праздники все тратят больше, чем в будни.

Наконец из дворца показались богато одетые люди. Празднично грянули трубы, впереди двигается король Барбаросса, его под руку поддерживает Алевтина, верная жена. С другой стороны держится Уильям Маршалл, готовый и сам поддержать Его Величество, если понадобится.

По-моему, король мог бы идти уже строевым шагом, но все еще делает вид, что выздоравливает медленно. Наши взгляды на миг встретились, он тут же опустил взгляд под ноги, на ступеньках слегка замешкался, его подхватили под руки и помогли пройти к креслу.

Я оцепенел, что-то сдвинулось в мозгу. Внезапно мелькнула сумасшедшая мысль, что Барбаросса ничего хитрого и не задумал. Он хотел меня использовать, чтобы я как-то усмирил полумятежную Армландию, но, когда я отказался достаточно решительно, за ненадобностью просто принесет меня в жертву этим вельможным лордам. От их поддержки зависит устойчивость его трона, а он не раз мне говорил, что он в первую очередь – государь...

Пальцы мои медленно нащупали рукоять молота. Меч, лук, доспехи – все осталось в комнате, Зайчик на конюшне, а Бобик ждет меня на коврике у порога. Стоит свистнуть – здесь окажутся через десять-двадцать секунд. Только не понятно, как прорываться через эту толпу...

На стене, что опоясывает дворец, лучники и арбалетчики стоят так плотно, что задевают друг друга. Будет сигнал, могут с одного залпа усеять двор трупами. Вот с ними справиться гораздо труднее... Или, точнее, вообще пока не знаю как. Одна надежда, что по мне будут нарочито промахиваться.

На эшафот, где пока мы с палачом, поднялся человек в судейской мантии, за ним герольд в парадной одежде и с трубой в руке. Все поглядывали с нетерпением на короля, он уже в кресле, Барбаросса помедлил, как в театре, наконец ему подали платочек, он изящно взмахнул в воздухе.

Судья тут же взглянул на герольда, тот протрубил, толпа затихла и даже перестала шевелиться. Судья развернул широкий свисток бумаги, откинулся всем корпусом назад, явно дальнозоркость, заговорил громко и внушительно:

– К смертной казни через повешение приговаривается сэр Ричард Длинные Руки за убийство маркиза Плачида, совершенное им вчера в лесу в присутствии восьмерых свидетелей!.. Сэр Ричард лишается баронского титула и пожалованных ему земель, а также всего имущества, которое у него есть с собой или в других королевствах...

Ну это уж дудки, подумал я злобно. Руки коротки забрать мои владения хоть в Амальфи, хоть где еще. Вы пока еще не император, король Барбаросса, а один из множества мелких королишек, которых хоть задницей кушай...

Судья заканчивал дочитывать приговор, палач поставил низенькую табуреточку под петлей и взялся за нее руками, готовый услужливо помочь надеть мне на шею. Я сжал пальцы на рукояти молота.

Послышались возбужденные голоса, в толпе начали оглядываться, почтительно расступаться. По проходу быстро шел архиепископ Кентерберийский, за ним с десятков священников не самого мелкого ранга. Архиепископ быстро взбежал по ступенькам, на него смотрели встревоженно, он встал перед Барбароссой и заговорил быстро и гневно. Барбаросса отвечал, нахмурившись, затем поманил архиепископа и что-то начал нашептывать на ухо.

Судья свернул бумагу в рулон, кивнул палачу.

– Приступай!

Палач обратился ко мне:

– Ваша милость, может быть, вам все-таки связать руки и надеть повязку на глаза? А то не все могут смотреть в глаза смерти...

– Прочь, не завязывать глаз, – ответил я высокомерно фразой из какого-то фильма. – И вообще погоди, там что-то творится.

– Да это их дела, а у нас свои...

– Да знаю, – ответил я. – Но если ты поспешишь, то тебе и отвечать придется, что поспешил. Вон смотри, снова смотрят на нас...

Архиепископ в самом деле выпрямился и смотрел на эшафот. Барбаросса хмурился, двигал бровями, это я рассмотрел, затем повелительным движением длани послал сэра Стефэна и его людей со своего помоста на наш.

Палач перестал суетиться, а сэр Стефэн бегом взлетел к нам, крикнул, сияя:

– Сэр Ричард! Его Величество изволит сказать вам несколько слов... Благодарите архиепископа за его заступничество!

– Благодарю, – ответил я. – Ладно, пойдемте. Посмотрим, что король скажет в свое оправдание.

Стражники за его спиной переглянулись, посмотрели на меня с уважением. Сэр Стефэн поклонился и отступил, давая мне дорогу. Так мы и пошли, я как знатный лорд, а сэр Стефэн и стражи, как моя свита, за мной..

Подойдя к покрытому кумачом помосту, я не стал кланяться, просто выпрямился и посмотрел королю в глаза. Он с трудом выдержал мой взгляд, я видел, как заиграли его желваки, а голос прогремел, как и прежде, тяжелый и властный:

– Сэр Ричард, вы безмерно провинились перед законами моего королевства!

Все молчали, король тоже молчал, я наконец разомкнул зло сжатые губы.

– В чем же?

– Вы присвоили, – прорычал он, – поистине королевскую власть! Только я, король Барбаросса, имею право осуждать на смертную казнь! Да и то, если дело касается знатных людей, собирается совет лордов!

– Это демократично, – признал я. – Хотя в данном случае это все лишь от слабости королевской власти. Проще говоря, король здесь хиловат...

Вельможи бросали на меня свирепые взгляды, кто-то картинно бросал ладонь на рукоять меча, но во дворе даже не шевелились, ловили каждое слово короля. Сэр Стефэн смотрел на меня с мольбой в глазах.

– Значит, – прорычал Барбаросса еще громче, – ты признаешь свою вину?.. Это хорошо. Это правильно...

Я не успел и пикнуть, что никакой своей вины не вижу и, понятно, не признаю, как архиепископ снова наклонился к уху Барбароссы и что-то прошептал настойчиво. Барбаросса нахмурился, подвигал в раздражении мохнатыми бровями, на мой взгляд, слишком уж гримасничает, как провинциальный актер, который побаивается, что выражение его сложных чувств останется незамеченным.

– Добрейший епископ подсказывает, – прорычал он, – что можно заменить твою смертную казнь на одно королевское задание. Выполнишь его – получишь помилование...

Лорды задвигались, заговорили, слышались сдавленные проклятия и угрозы, кто-то демонстративно вытаскивал

до половины меч из ножен и со стуком задвигал. Архиепископ сказал успокаивающе:

– Тихо-тихо, доблестные лорды! Вы еще не слышали, что изволит предложить Его Величество.

Я молчал, не знаю, импровизация это или успели распределить роли, а Барбаросса сказал громче:

– По вашей вине, сэр Ричард, сейчас на южных землях моего королевства вассалы отказываются признавать мою власть.

Я спросил только:

– По моей?

– По вашей! – прогремел Барбаросса. – Все знают, что земли барона де Бражеллена были пожалованы вам. Но вы не отправились туда. Вассалы де Бражеллена остались без сюзерена. Власть сумела подгрести его вдова, эта мерзкая тварь, эта злобная стерва... Теперь окрестные рыцари собираются под ее знамена. Многие уже в ее замке... То ли ждут нападения моих войск, то ли сами готовятся к выступлению... Так вот мое задание, сэр Ричард! Вы отправляетесь в замок барона де Бражеллена, похищаете его вдову и привозите ее сюда. Как только она окажется в моей тюрьме, там боевого пыла поубавится!

Глава 8

Наступила мертвая тишина, даже лорды, родня маркиза Плачида, затихли и смотрели на короля выпученными глазами. Наконец один проговорил севшим голосом:

– Ваше Величество...

– Слушаю, – рявкнул Барбаросса.

– Ваше Величество, но что помешает сэру Ричарду попросту выехать за ворота вашего города и забыть о нас вообще?

Барбаросса прогремел:

– Его слово!

Архиепископ кивнул, голос его прозвучал мягко и благожелательно:

– Конечно же, сэр Ричард даст такое слово. И также даст слово, что если ему не удастся... выполнить, то он вернется сюда для того, чтобы быть повешенным.

Лорды ахнули, Барбаросса зло оскалил зубы.

– Я знаю, а также и вы знаете, что, если сэр Ричард даст такое слово, он его сдержит.

Архиепископ сказал, впервые возвысив голос:

– Сэр Ричард – паладин. А это значит, он свято блюдет рыцарский кодекс.

– Он вернется, – прорычал Барбаросса. – Он все равно вернется!

Один из вельмож быстро переговорил с остальными,

спросил так же громко:

– Ваше Величество... а какие все-таки гарантии, что этот рыцарь... как сэр Поллукер уже предположил, все-таки не сбежит? Я не один, кто весьма и весьма усомнился... Видите ли, Ваше Величество, все мы понимаем, что сейчас ему отправиться в замок де Бражеллена – это сунуть голову в пасть льва. Его там повесят еще быстрее...

Барбаросса прервал:

– Он успеет туда раньше, чем доберутся слухи. У него будет время выкрасть ее.

Вельможа спросил с сомнением:

– И уйти от погони?

Барбаросса громыхнул:

– Это уже его проблемы, как он будет уходить. Но он либо привезет ее... скажем, в течение двух недель, либо вернется сам, чтобы снова взойти на эшафот. Да, я понимаю, что вы хотите сказать, сэр Эльхарт. Так вот что я скажу вам! Да, я настолько понимаю людей, я настолько уверен в его возвращении... в любом случае, что ставлю в заклад свою корону!..

Все замерло в мироздании. Застыли с раскрытыми ртами не только вельможи, но даже сэр Стефэн и рыцари. Вельможи опомнились первыми, я видел, как на их оживших и вообще-то туповатых с виду мордах промелькнули массы сложнейших мыслей-цепок, когда молниеносно просчитываются варианты событий в случае моего невозвращения: король теряет трон, а на его место ставят лорда Энгельхар-

да или лорда Поллукера, а я, то есть барон такой-то, за поддержку получаю новый титул и земельные владения, либо я, барон такой-то, помогаю взойти на трон доблестному графу такому-то, а он в благодарность добавляет мне владений и по ту сторону реки, а также разрешает присоединить свободные земли, сейчас заселенные вольными крестьянами...

Даже архиепископ крикнул и посмотрел на короля с укором. Если и был у них сговор, то этот пункт вряд ли входил в сценарий. Видно, что Барбаросса придумал его только сейчас, это его блестящая, но рискованная импровизация.

Вельможа повернулся ко мне, оглядел с сомнением.

– А что скажет сам.. э-э... осужденный?

Я холодно проигнорировал его, продолжая смотреть на Барбароссу. Тот перевел дыхание, тревога метнулась в глазах, мой несговорчивый нрав знает, откинулся на высокую спинку и спросил надменно:

– Сэр Ричард, готовы ли вы поменять немедленное повешение на эту рискованную миссию?

Я молчал долго, но не для нагнетания эффекта, а потому, что молот еще при мне, а на спине у Зайчика прорвусь через любую толпу. И даже закрытые ворота нас не остановят. А полученные раны заживлю на ходу. Правда, если их будет не слишком много и если не прострелят голову арбалетными стрелами. Но рискнуть можно, шансы на побег велики.

В глазах Барбароссы метнулся страх, он тоже все это просчитал и тоже понял. Понял, что могу сбежать даже сейчас

и даже отсюда. А появление вместе с Зайчиком Адского Пса заставит затрястись руки и опустить арбалеты у половины стрелков. Когда жизнь на волоске, я могу натравить его и на людей.

– Я должен обсудить этот вопрос с Его Величеством подробнее, – ответил я медленно.

У Барбароссы чуть не вырвался возглас облегчения, я видел, как он втихую выпустил воздух, разжал кулаки, а ответил поистине с королевским спокойствием и величием:

– Да, сэр Ричард, мы обсудим все сегодня же перед вашим отъездом!

Уже без охраны, рыцаря слово чести связывает надежнее, чем цепи, я вернулся в замок, а там меня вскоре доставили к дверям королевских покоев.

Сэр Стефэн едва не всхлипывал от облегчения, его солдаты поглядывали на меня с любопытством: я не изменился в лице, ни когда мне почти накидывали петлю на шею, ни потом, когда король объявил о своеобразной отсрочке приговора.

– Сэр Ричард, – шепнул он умоляюще, в то время как солдаты распахивали передо мной двери, – не гневите Его Величество! Я уверен, что у вас получится все. Я помню, как мы дрались и победили на турнире...

Я улыбнулся, перешагнул порог, двери за мной захлопнулись. Барбаросса сидит за столом, на нем такие стопки бумаги, что огромная чернильница с пучком гусиных перьев

выглядит крохотной. На меня взглянул исподлобья, на лице тщательно скрываемая тревога.

– А, Ричард... Проходи, садись.

– Ваше Величество, – ответил я с поклоном, – только не надо делать вид, что это я ненароком забрел к вам, отрывая от важных государственных дел.

Он поморщился.

– Все равно садись. Ну что скажешь?

– По поводу чего?

Он ответил в раздражении:

– Ты что, всегда переспрашиваешь? Понятно же! Или выгадываешь время для какой-то каверзы?

– Ну ладно, – ответил я без всякой почтительности, – скажу, что вы, Ваше Величество, затеяли очень опасную игру. И рискованную. Такие игроки, кстати, долго не живут.

Он развел руками.

– Сэр Ричард, а вы не задумывались, что короли вообще долго не живут? Это самая опасная и самая короткоживущая профессия! Не важно, опасную игру они ведут или не опасную. Это со стороны выглядит, не опасная, мол, если не воюет, в первых рядах не врезается на скаку в ряды врага... но на самом деле любая жизнь короля опасная. Так что я смотрю на это спокойно.

– Король-философ, – фыркнул я. – Новый Марк Аврелий, надо же... А что вам мешает думать, что я попросту сяду на коня и поеду по своим делам?

– Ничто не мешает, – признал он. – Более того, я об этом подумываю.

– И что?

– Просто молюсь...

Я переспросил с недоверием:

– Это вы молитесь?

Он поморщился.

– Сэр Ричард, бывают ситуации, когда и такие, как я, молятся. Не ради спасения души своей, а ради спасения... гм, ну, скажем, королевства. Или какой-то ситуации. Бывают случаи, когда и Сатана молится!

– Сатана? – переспросил я с недоверием.

– Ну да, – ответил он с неудовольствием. – Ради себя Сатана молиться не станет, слишком горд, но ради сохранения своего сатанизма или чего-то еще для него ценного... Ладно, мы ушли в сторону. Я просто уверен, что у вас все получится, сэр Ричард! Эту злобную стерву нужно обязательно выкрасть и привезти сюда. Тогда, лишившись главы, там на некоторое время потеряют управление. А мне нужно выиграть время, время!

Я спросил с недоверием:

– Неужели вдова настолько энергична, что стала главой вооруженного рыцарства?

Он поморщился.

– Не главой, а... как бы точнее, знаменем. Из этого мерзавца, барона де Бражеллена, делают героя, мученика, по-

страдавшего от руки кровавого злодея-короля! Кстати, я умалчиваю, что это вы его копьем насквозь...

– Был турнир, – напомнил я. – Мы дрались на виду у всех. Барон, кстати, вел себя настолько недостойно, что даже кор- ректный Маршалл, верховный судья турнира, назвал его кус- ком дерьма.

Барбаросса отмахнулся, будто сгонял муху.

– Неважно, там не знают подробности. Для них это герой, погибший от руки короля-деспота. А раз так, то его еще жи- вая жена у них служит постоянным напоминанием о невин- ной жертве. Потому все стекаются в ее замок, а что там за- мышляется – один Бог знает. Ну и те, кто проникает в замок.

Я покачал головой.

– Тот мордатый верно сказал, что слух, что вы велели вы- красть жену барона и привезти в ваши темницы, довольно быстро достигнет ее земель.

Он покачал головой.

– Не так быстро!.. Там потому и обнаглели со своими вольностями, что вся Армландия очень уж обособлена из- за гор, болот и лесов, откуда всякая гадость совершает набе- ги на ближайшие деревни. Конечно, гонцы пробираются до- статочно свободно, хоть и окольными дорогами, даже купец, какой посмелее, проведет караван, но войско туда послать непросто... Для войска, как вы пока еще не догадываетесь по своему развитию героя-воина, нужны дороги.

– Впервые слышу, – сказал я. – Ну, а когда новость все-

таким достигнет? Тем более что хорошая ползет, а хреновая еще как летит?

– Во-первых, – сказал он, – вы наверняка будете уже на обратной дороге. А то и здесь. С вашим-то конем...

– Ладно, это не главная трудность, так?

– Допустим, – ответил он спокойно, – что-то не заладилось. Ну, скажем, коня на пятый этаж по винтовой лестнице не заведешь, а госпожа Беатриса, это жена покойного барона, предпочитает руководить замком и землями оттуда, замок не покидая. Тогда весть может застать вас там, хотя это крайне невероятно.

Я пожал плечами.

– Шанс возникновения жизни на Земле еще невероятнее, но вот случилось же такое... Но вам, как погляжу, очень жажжется, чтобы и эта вторая невероятность случилась, так?

– В действие вступает второй вариант, – ответил он, не дрогнув лицом. – Вы заявляете, что к такому жестокому королю возвращаться не намерены. Мечтаете о защите и покровительстве. И даже приложите все силы, чтобы бороться против такого тирана.

Я кивнул.

– Это скажу. Без всяких усилий.

– Не сомневаюсь, – ответил он суховато. – С какими неприятными людьми приходится иметь дело королям!

– А странствующим рыцарям, – сказал я ему в тон, – так даже... Похуже троллей попадают всякие... Даже с коро-

нами на голове. Если там голова, конечно. Во втором случае, понятно, ко мне будет, мягко говоря, недоверие. И самому бы ноги унести, а не то чтобы выкрасть хозяйку замка... Впрочем, должен заметить, что я до дна исчерпал в данном случае свое благородство и любовь к человечеству, Ваше Величество. Так что я пока еще уверен, что прямо отсюда отправлюсь обратно в порт...

Он прервал быстро:

– Армландия – как раз у вас по дороге!

– А чего мне спрыгивать на полустанке? – спросил я резонно. – Проще переть до конечной станции, где все по пояс. По логике, я и пальцем не должен... шевельнуть, в смысле, если вас прямо сейчас черти начнут тащить в ад, где вам и место. У меня своих дел... и они, как вам ни удивительно, мне дороже, чем ваши королевские.

Он тяжело вздохнул, но не сказал ожидаемое, что у него не личные дела, а государственные, что ему госпожа Беатриса нужна не для похоти, а для умиротворения края, дабы стихли мятежи, чтоб крестьяне без страха пахали, коровы толстели и давали больше молока, гуси плодились, а сеньоры отдавали детей учиться грамоте, а не только искусству убивать и калечить себе подобных.

Зато вслух сказал:

– И вообще... я не настаиваю, но просто, как поживший на этом свете, советую вам прочувствовать ваше нынешнее положение...

– Какое? – спросил я сварливо и сразу ошетиливаясь.

– Ваше, – подчеркнул он. – Нынешнее. Положение. Вы уже не просто виконт, барон или граф...

Я сказал скромно:

– Напомню Вашему Величеству, я еще и бургграф.

Он отмахнулся.

– Тем более бургграф. Что такое бургграф? Это власть над городом, пусть даже большим. А вы едете в Сворве в качестве ландлорда! Разницу пояснять надо? Города у нас такие, что переплюнуть можно, а вы получили в свое распоряжение необъятные земли! Пусть там народ не кишит, как в городском муравейнике, но просторы... даже безлюдные, требуют еще больше хозяйского ока и присмотра. Вы это ощутите.

Я потряс головой.

– Нет, Ваше Величество. – Голос мой прозвучал настолько твердо, что я ощутил: это и есть моя позиция, которую ничем не поколебать. – Нет, Ваше Величество.

– Почему?

– Мне надо на Юг.

Он посмотрел на меня внимательно, проглотил уже готовые сорваться с языка слова, сказал другим тоном:

– Вы что-то скрываете, сэр Ричард.

– Как и любой человек.

– Я хочу сказать, что на Юг вас влечет не просто праздное любопытство беспечного шалопая.

Я поклонился с чрезвычайной вежливостью.

– Ваше Величество, комментариев не будет.

Глава 9

Рано утром Барбаросса лично вручил мне карту своего королевства, я свистнул Бобику, Зайчик довольно ржанул, приняв меня в седло, и я без помех промчался под аркой ворот, а там, сверяясь с картой, начал наращивать скорость.

Карта нужна в первую очередь для того, чтобы, сверяясь с нею, передвигаться вдали от городов и сел. А если где в лесу или в степи кто и увидит стремительно скачущего всадника, просто решит, что померещилось: нет такого коня, что несея бы быстрее птиц. Если даже заметит не один, а партия охотников, что ж, на одну легенду станет больше. Главное, чтобы не узнали, не запомнили, что это именно я.

Смертельно опасное, непроходимое, логово чудовищ и все такое, Каменное Болото мы проскочили на такой скорости, что Зайчик едва успел замочить копыта, а Пес вообще пронесся, аки посуху. Перед Жидкими Песками я засомневался, в прошлый раз мы обошли их, следуя всем изгибам дороги, но Пес подбежал к границе с Песками, начал рычать на что-то, из песка мгновенно выметнулось нечто вроде щупальца. Пес ухватил и с торжеством принес мне, все еще слабо извивающееся: то ли счел рыбой, то ли сумел оторвать у монстра сяжку.

– Плюнь, – велел я. – Не все стоит жрять...

Он посмотрел с обидой, помахал хвостом, уверяя, что это

очень вкусное.

– Ну и что? – ответил я. – Мы с тобой люди, а у людей еще и религиозные запреты... Постное, скоромное, некошерное... А мы с тобой еще к тому же и графы, а это вообще: того нельзя, этого тоже нельзя...

Зайчик обиженно ржанул. Я похлопал по гривастой шее.

– А ты у нас вообще герцог, а то и король над всеми конями на свете. Твое меню так ваще... Даже мясом пренебрегаешь. Ладно, рискнем?

Они поглядывают с пониманием, я треплю языком, потому что страшно, у этих Песков слишком уж жуткая слава, а мы одни: никто не поможет, не вытащит, не бросит веревку. С другой стороны, когда один, можно не стараться выглядеть героем. В смысле, не переть напролом с гордо поднятой мордой, а зигзугами, зигзугами, с кочки на кочку, перебежками да ползком, прячась даже от зайцев: кто знает, какие в этом краю зайцы.

Пес снова подбежал и начал всматриваться в песок. Хвост его медленно ходит из стороны в сторону, словно моя левретка не решила: пригласить песчаного жителя поиграть или сразу за глотку.

– Ладно, – сказал я наконец. – Хотя любая кривая короче прямой, на которой поджидает монстр... но мы же люди? А люди, как я гордо заявил своему оппоненту, – это те существа, которые делают дурости. Большие и малые. И чем их больше, тем мы больше люди...

Пес оглядывался с таким нетерпением, пропуская мой бред мимо ушей, что я вздохнул и шепнул Зайчику на ухо: — Гони!.. Прямо. Так, чтобы тебя даже за копыта не успели...

Проскочили Жидкие Пески, с разбега перемахнули Смоляную Речку, а когда из темного леса за нами вынеслась толпа орков, я только беззаботно рассмеялся. Дважды начинали погоню гарпии, я лук держал наготове, но Зайчик идет на такой скорости, что гарпии отстали почти так же быстро, как и кривоногие орки.

Ночь застала нас в лесу, но деревья стоят редко, лунный свет настолько хорошо освещает тропку, что я все ехал и ехал, никак не выбрав место для ночлега. Зайчик и Пес видят в темноте, похоже, не хуже меня: Зайчик идет спокойно, а Пес все так же рыскает по кустам и пугает заснувших с наступлением сумерек лесных птишек.

Наконец я присмотрел поляну, Зайчик послушно остановился, а я с седла оглядывал окрестности: достаточно ли сушняка для большого костра, не слишком ли окажемся близко к деревьям, за которыми может что-то подкрасться, а потом прыгнуть на спину...

Громкий уверенный стук копыт нарушил мертвую тишину. Я взялся за рукоять меча, из-за поворота тропинки показался крупный конь, покрытый серой попоной, на нем вооруженный копьем всадник в рогатом шлеме.

Конь двигается шагом, всадник выглядит погруженным в

раздумья. Они выехали в полосу лунного света, у меня перехватило дыхание: под шлемом лишь череп, пустотами зияют глазные впадины, дыра на месте носа, а крупные зубы обнажены в зловещей ухмылке. Кольчужная сетка спадает из-под шлема с обоих боков, а нижняя челюсть почти упирается в темный нагрудник со следами жестоких ударов. Панцирь укрывает широкую грудную клетку, на нем тоже вмятины и глубокие зарубки.

Я поспешно подал Зайчика в сторону. На коне вовсе не попона, как показалось в полутьме, а кольчуга из тонких колец, шею прикрывают щитки, налегающие один на другой, как чешуя, морда сверху прикрыта стальной маской, в широкие отверстия для глаз в нашу сторону сверкнуло красным, что показалось отблеском адовых огней.

Доспехи на всаднике прекрасно подогнаны, я всеми фибрами ощутил работу древних мастеров и на миг даже почувствовал их боль и тоску, что приходится делать и такое, а совсем недавно могли нечто иное... Ощущение исчезло, оставив чувство громадной потери, настолько громадной, что я смиренно ждал, пока они проедут мимо, то ли охраняя свои земли и не замечая, что здесь давно другие народы, то ли все еще выполняя какое-то задание...

А с утра мчались по степи, редко прерываемой болотами и мелкими речками, это уже Армландия, если карта не врет. Еще не личные владения барона де Бражеллена, то есть мои, это земли его вассалов, которые Бражеллен... а теперь я во-

лен отбирать у них и передавать другому. Или забирать себе. Даже не забирать, а возвращать, так как изначально это земли Бражеллена, которые он дал в лен своим верным сторонникам.

Мятежная или почти мятежная часть королевства. Это, конечно, хорошо звучит: королевство. Но на самом деле королевства как такового не существует: нет безопасных дорог, нет подчинения областей центру, феодалы воюют друг с другом, то есть главный враг – это сосед, который имеет наглость не уступать свои земли более достойному, то есть мне, этот закон правит везде, куда не дотягивается могучая центральная власть с ее многочисленным войском, способным потопить в крови любого мятежного лорда.

А раз война везде, то мне даже не надо трудиться, выискивать, кто здесь враг, а кто друг. Для разбойников все – враги и добыча. Здесь разница только в градации разбойников: обнищавшие крестьяне выскакивают из-за кустов с кольями в руках, а могучие лорды горделиво разъезжают по главным дорогам во главе многочисленных дружин и вешают всех, кто «не свой».

Области вроде бы лояльные, вполне могут завтра отделиться уже на том законном основании, что сюзерен решил вдруг принести присягу другому королю, чьи владения соприкасаются с его землями с другой стороны. И ничего не поделаешь, везде это зыбкое равновесие с искусственными границами, везде всякие и разные анклавов, всюду спорные

территории, которые делят все соседние монархи...

Когда домчались до очередного болота, я придержал Зайчика: далеко впереди идет в нашу сторону красивая воздушная блондинка, юная и трепетная, в темную воду погружается стройными ногами не больше, чем до коленей, а еще чаще ловко ступает по мохнатым кочкам. Из одежды на ней что-то вроде лохмотьев рыбацкой сети, наброшенной только на руки, да еще поясок, подчеркивающий очень тонкую талию. Кожа бледная, как у протeya, не тронутая солнцем, словно она всегда живет в этих зловонных испарениях.

Обнаженная, с развитой грудью и оттопыренной попкой, она выглядела беззащитной и в то же время желанной, я чуть было не послал Зайчика в ее сторону, как вдруг увидел огромную тень, что следует за нею в двух шагах. Даже не тень, а огромную фигуру чего-то массивного, мускулистого, чьи голова и плечи отражают свет, грудная клетка широка, однако живот видно смутно, а ног вообще не видно, даже вода под ним почти не волнуется.

Я шепотом пробормотал молитву, отыскал единственную пока, что меня устраивает, это «Укрепи мои силы, Господь», а так как Бог живет в каждом из нас, то это что-то вроде «Нe ссы, прорвeмся!», обращенное к себе самому.

И в самом деле полегчало, какой же я молодец, что то и дело заставляю себя смотреть и в тепловом диапазоне, и в ультразвуковом. Хоть от этого кружится голова и иногда и тошнота к горлу, зато не напоролся на ее телохранителя. Или

хозяйина, кто знает. Хотя, судя по виду, это сработавшаяся команда. А блондинка, как и везде, служит приманкой.

На какие только уловки не идет эволюция! Вот так слепым перебором иногда создает что-то просто замечательное, как меня, например, но чаще вот такое... А так как получилось удачно, лохи ловятся, то эти блондинки и в двадцать первом веке выполняют ту же функцию...

Миновав болото, выехали на протоптанную дорогу, Зайчик приветственно ржанул, я увидел, нам наперерез двигается тяжеловооруженный рыцарь на таком же массивном коне. Я заранее заготовил улыбку, Карнеги иногда бывает прав, однако рыцарь, заметив меня, опустил забрало и взял копьё на изготовку.

Я приветливо помахал рукой, однако рыцарь двинулся мне навстречу с выставленным для удара копьём. Конь пока идет шагом, но боевые кони приучены очень быстро набирать скорость для удара.

– Приветствую, благородный сэр, – сказал я учтиво. – Не лепо ли не бяхе сказать, куды ведет сия истоптанная дорога?

Рыцарь остановился, сквозь прорези шлема зло сверкают маленькие рассерженные глаза.

– Для вас, любезный сэр, – прорычал он, – она здесь обрывается.

– Почему? – спросил я любезно. – Что-то случилось? И почему прячете свое лицо? Вас разыскивают за кражу кошельков?

Он с лязгом поднял забрало, открывая крупное лицо.

– Я сэр Огер де Растер! Силу моей руки знают в этих землях!

Я внимательно смотрел в его лицо. Природа не готовила сэра де Растера в рыцари: над ним поработала не долотом и стамеской, а зубилом и молотом. Голова – почти квадратная глыба, узкие щели для глаз между массивными надбровьями и мощными скулами, грубой формы нос, грубые губы, тяжелый подбородок, а кожа серого оттенка под стать граниту, из которого его делали.

Да и от фигуры веет грубой нерассуждающей мощью: голова сидит на плечах, без лишнего перехода в шею, грудь неимоверно широка, плечи заканчиваются шарами, размером с рыцарские шлемы, только ноги коротковаты, но за счет исполинского торса сэр де Растер и на земле не покажется ниже остальных рыцарей.

Железа на нем больше, чем на трех обычных рыцарях, вместе взятых, однако держит доспехи с легкостью, будто это родная кожа. Из оружия у седла висит наготове боевой топор, что разумно, им куда проще раскалывать стальные панцири и крушить шлемы, чем красивым мечом.

– А я, – сказал я, – сэр... Светлый. Да, Светлый.

Он прорычал угрожающе:

– Ах, а я, значит, темный?

– Что вы, сэр, – сказал я поспешно, – я просто назвался!

По рыцарским правилам я выбрал этот ник... это имя, скры-

вая свое подлинное, дабы... ну дальше вы знаете.

Он фыркнул:

– Сэр Светлый?.. А на самом деле какой-нибудь Соплежуй?

– А хотя бы и так, – ответил я мирно, – это и есть повод для драки?

Он с лязгом опустил забрало, голос прозвучал глухо и зло:

– Если трусите – сразу можете сдаться. Я заберу только коня, собаку и доспехи. И оружие, конечно...

Я поинтересовался:

– А что останется мне?

– Жизнь, – прорычал он. – Я мог бы взять вас в плен и потребовать выкуп, но я отличаюсь непомерным и ничем не оправданным великодушием, за что надо мной уже улыбаются, потому вот... Защищайтесь!

– Хорошо-хорошо, – сказал я поспешно, – значит, это не во имя высокой идеи, а обыкновенный грабеж?

Он фыркнул.

– Какой это обыкновенный? Я же рыцарь!.. Я не ударил в спину, как разбойник, а даю вам подготовиться. И даже исповедоваться, если придет такая блажь.

– И все благодаря такому великодушию? – спросил я.

Он вздохнул.

– Что делать, моя доброта уже стала посмешищем. И эта... как ее, вы утверждаете, что леди Марселина не самая красивая на свете?

Я сказал поспешно:

– Что вы, что вы! Я вполне согласен, что она самая красивая и за краем света!

– Нет, спорите!

– Ни за что, – заверил я.

– Я вижу по вашим глазам, – заявил он упрямо, – что раздражаете!

– Нет-нет, – сказал я предельно искренне, – уверяю вас, ваша леди Мирабелла – само совершенство!

Он набычился, посмотрел с подозрением.

– Какая Мирабелла? Разве я сказал Мирабелла, а не Маргарита?.. Сэр, не старайтесь отвлечь меня от праведного пути! Ваши конь и доспехи будут моими. Собаку, так и быть, оставлю вам... хотя люблю собак. Но собаки, увы, остаются верны хозяевам, какими бы те себя трусами ни показали...

Он поднял коня на дыбы, копьё нацелил мне в голову. Я вцепился в копьё, сказал тихо:

– Зайчик, давай!

Подо мной дернулось, словно выскальзывающая площадка, следом удар, и я сперва съехал на круп, а теперь едва не перелетел через голову, однако бравый рыцарь вылетел из седла и вместе с конем отлетел на десяток шагов. Конь грохнулся с жалобным ржанием, вскочил и отряхивался, как собака, а потом расставил все четыре ноги и стоял так, дрожа, как пес на морозе, а рыцарь растянулся подобно огромной лягушке, попавшей под асфальтовый каток, не сразу поше-

велился, застонал, приподнялся на локте.

– Доблестный сэр, – осведомился я с высоты седла, – можно ли считать наш поединок законченным?

Он с трудом привстал на колени, затем кое-как воздел себя на задние конечности.

– Ни за что!

– Тогда продолжим, – сказал я и обнажил меч. – Уверен, что раскрою вас даже в этих доспехах от макушки и до развилки внизу. Давайте биться о заклад, что развалю строго на равные половинки?

Он пробурчал:

– А если не сумеете, кому проигрыш отдадите?

– Вы сообщите адрес, – предложил я.

– У таких, как я, – сказал он гордо, – некому передавать наследство.

– Почему?

Он сказал оскорбленно:

– Как почему? У меня еще все впереди!.. Сорок лет – не возраст, я молод и силен!.. Ладно, сэр, я вижу, что схватку я проиграл, что вообще-то странно. Я выиграл подряд двенадцать поединков!

– Тринадцать – плохое число, – посочувствовал я.

– Смотря для кого, – пробурчал он. – Забирайте моего коня, а за доспехи я могу дать вам выкуп.

Я сказал с высокомерным благодушием победителя:

– Да что вы торгуетесь, как демократ какой-то! Оставьте

себя коня и доспехи, я рыцарь и не стану раздевать другого рыцаря.

Он подошел, пошатываясь, к своему коню, оглянулся.

— Знаете, сэр, я тоже рыцарь, так что раздевать побежденного вполне, вполне... Как-то я был в походе на амазонок и попал к ним в плен, так они меня еще и насиловали по праву победительниц! Это было двадцать лет тому, молод был, дурак, не запомнил, какой дорогой нас туда вели... Нет, сэр, забирайте моего коня. Не могу себе позволить, чтобы мне делали снисхождение, как простолюдину!

Коня я не взял, зато погнал Зайчика вскачь, чтобы сэр Растер даже не пытался догнать. Когда оглянулся, пыльное облачко виднеется почти на горизонте. Пес с веселым гавком носится по окрестностям, перепрыгивает высокие кусты, а сквозь низкие проламывается, словно бронетранспортер через камыш.

Солнце жжет затылок, под копытами сухо стучит твердая земля, в сторонке проплывает густой темный лес, дорога пугливо делает петлю, огибая его по кочкам и рытвинам.

Пыльное облачко показалось и впереди, я пытался всматриваться, сужая зрение, но это все равно, что смотреть в бинокль с высоким разрешением, не покидая седла скачущей лошади: все прыгает, смазывается, даже начинает подташнивать.

Судя по облаку пыли, навстречу мне движется крупный отряд. Двигается неспешно, я остановил Зайчика, он по-

слушно замер, как чугунная статуя, я наконец-то рассмотрел, что отряд смешанный: впереди десять-двадцать конных, за ними идут пешие, этих намного больше, но густая пыль скрывает их, а сзади, судя по прорывающимся сквозь завесу искоркам, еще несколько всадников.

Я подал Зайчика в сторону, проехал еще немного, прячась за холмами, затем спешил, велел Зайчику и псу никуда не уходить, сам пробежал к вершине холма.

Стали слышны голоса, стук копыт, жизнерадостный смех. Я осторожно выглянул: всадники едут беспечно, хохочут. Впереди отряд человек в пятнадцать, следом на одной веревке ведут пленниц – восемь молоденьких девушек. Ни одного мужчины, что можно объяснить только тем, что те защищались и их пришлось убить.

В арьергарде еще пятеро, крепкие и прекрасно вооруженные. Совсем не лесные разбойники, совсем. Один со смехом опустил копье и кольнул заднюю девушку в ягодицу. Пленница дернулась, закричала, в ответ раздался довольный хохот.

Даже отсюда я увидел, что на месте укола появилось красное пятнышко.

Мерзавцы, мелькнуло в голове. Женщин... Вообще-то и мужчин нельзя так, но надругательство над мужчинами воспринимаешь как-то спокойнее. И за плененных мужчин я бы вступился... наверное, но за женщин не просто вступлюсь, а буду убивать со злобной радостью. Никто не смеет уводить

женщин в неволю, тем самым их уведат и от меня.

Я пощупал меч, молот, снял с плеча лук и медленно натянул на правую руку кожаную рукавицу. Тетива рассекает кожу с первого же выстрела, и хотя могу залечить сразу, но если можно избежать боли, только дурак или мазохист ее допустит. Мой лук бьет на двести шагов, главное – бьет прицельно. Длинные двухфутовые стрелы бьют точно, если только я не щелкаю в это время хлебалом.

Я задержал дыхание, нагнетая напряжение, чтобы адреналин прямо из ушей, сердце гремит в голове, все тело распирает злая мощь, зато руки начинают двигаться с нужной скоростью.

Первая стрела сорвалась с тетивы, тут же вторая, третья, четвертая... Искусные стрелки умеют держать в воздухе пять-шесть стрел, а искуснейшие – семь. Я не подсчитывал, сколько держу я, но стрелы ушли серебряным пунктиром. Я считал до пятнадцати, но чувствовал, что не смог всем указать цель, слишком быстро, а когда на дороге поднялась пыль под испуганными конями, я попятился и нащупал молот.

Из облака пыли вырвались трое всадников и, пригнувшись к конским гривам, ринулись в мою сторону. Одновременно все пятеро из арьергарда остановились, там послышался крик, и трое тоже поскакали к моему укрытию.

Сердце колотится часто, я быстро-быстро выпустил еще три стрелы, двое подпрыгнули в седлах, но один с одной стороны, двое с другой уже налетали с поднятыми мечами. Я по-

спешно швырнул молот, тот разрезал воздух с оглушительным ревом. Переднего коня отшвырнуло вместе со всадником на второго. Там крик, ржание, я отскочил от падающего меча, успел подставить щит.

Всадник замахнулся снова, мы встретились взглядами, вдруг его лицо перекосилось, ярость на лице мгновенно сменялась страхом. Он повернул коня и ринулся обратно по дороге, что-то крича.

– А это напрасно, – сказал я, задыхаясь.

Руки дрожат, но одну-единственную стрелу я в состоянии выпустить, а пот еще не залил глаза, так что стрела ударила точно в основание шеи. Я подождал, когда двое выберутся из-под упавших коней, и двумя выстрелами пронзил им головы.

На дороге оставшиеся двое вытягивали головы, стараясь рассмотреть, что же происходит здесь, по эту сторону гребня холма. Я подхватил лук, свистнул Зайчика. Он подбежал, в глазах веселое понимание.

Двое оставшихся встревожились, ухватились за мечи, но страха в движениях я не увидел, все-таки я один, и, лишь когда я подъехал ближе, они испугались всерьез.

Пленницы жалобно кричали, зывали о милосердии, молились, плакали, я крикнул громко:

– Чьи люди?

Одна из пленниц крикнула:

– Мы из деревни госпожи Беатрисы. А это люди Фаланге-

ра...

Всадник крикнул:

– Замолчи, тварь!

Стрела сорвалась с тетивы, в следующий миг я увидел оперенный кончик, торчащий из его раскрытого рта. Он без хрипа откинулся на спину, медленно сполз под копыта лошади. Второго крупно трясло, он расширенными глазами смотрел на страшный лук в моих глазах.

– С женщинами надо разговаривать вежливо, – сказал я второму. – Не правда ли?

Он поспешно вскрикнул:

– Да-да, господин!

– ...и обращаться, – закончил я зловеще, – тоже.

Он сказал торопливо:

– Господин, мы люди Фалангера, а значит – подневольные!.. Куда скажут, туда идем. Что скажут, то и делаем.

– На такие дела, – сказал я с горькой злостью, – от добровольцев нет отбою, не так ли?

Он, не отводя от меня испуганного взгляда, судорожно закивал. Я вздохнул.

– Слезай. Ты все равно умрешь здесь. Не пачкай кровью седло.

Он начал слезать, медленно и осторожно. Когда ноги коснулись земли, в руке блеснул нож. Я успел высвободить сапог из стремени и отшвырнул его пинком, но он успел полоснуть ножом по бедру. Боль обожгла, как кипятком, он прыгнул

ко мне снова, но мой длинный меч с хрустом рассек его от плеча до середины грудной клетки.

Женщины плакали, слезно благодарили, я осматривал их с высоты седла. Сердце все еще колотится, мысли бегут горячечные, злые, руки дрожат то ли от усталости, то ли все еще от жажды что-то делать. Я нарочито замедленно повернулся в седле, осторожно перерезал веревки на руках той женщины, что первой ответила на вопрос.

Она снова сориентировалась быстрее всех: прыгнула к умирающему, быстро выдрала нож из еще теплых пальцев, начала торопливо пилить узлы на руках подруг.

Я заговорил тоже медленнее, иначе слова горячечным потоком хлынут из меня с такой скоростью, что сам не пойму, а это недостойно рыцаря, мы должны говорить медленно и важно:

– Возвращайтесь в свое село. Если кто умеет обращаться с лошадьми, то вон там остались кони... Кто их заберет – того и будут.

Женщина быстро вскрикнула:

– Ваша милость, кто вы?

– Ну... – проговорил я в затруднении, – моя природная скромность не позволяет мне называть себя...

– Ваша милость, но как же...

– А вот так, – ответил я, – скромный я ужась. И застенчивый. Вы ж благодарить будете, а не ругать? А это супротив нашего устава скромников.

– Будь благословенны ваши родители, – сказала женщина с чувством, – что воспитали такого благородного рыцаря!.. Эй, Тиль, не спеши за конями!.. Я тебя освободила первой, но это не дает тебе права...

Я усмехнулся. Эта женщина сразу взяла бразды правления в свои руки. Есть такие, что просто рождаются вожаками.

Глава 10

Они разбирали коней, пошли споры, у кого больше разорили двор, та самая женщина активно вмешивалась и, как властный судья, выносила решения, будучи прокурором, судьей и адвокатом в одном лице, микрофеодал. Я взобрался на Зайчика, и тут все испуганно вскрикнули.

Пыльное облачко приближается уже с другой стороны. Женщины с надеждой смотрели на меня, я нахмурился и наложил стрелу на тетиву лука.

Раздался тяжелый грохот, словно скачет подкованный слон, из пыли выметнулся измученный всадник на огромном коне.

Сэр Растер загрохотал, увидев меня:

– Вам не удалось удрать от меня, сэр!.. А что это за женщины... Господи, неужели удалось отыскать дорогу к амазонкам, теперь таскаете оттуда... ну что за жизнь, я только проговорился, а вы уже все нашли...

– Постыдитесь, сэр Растер, – прервал я. – Разве эти измученные покорные женщины похожи на амазонок, которые так тревожат ваши маскулинистые сны? Особенно если пожрете жареного мяса со специями?

Он повернулся к пленницам, девушки под его взглядом старательно прикрывали оголенные груди остатками платьев. Он вздохнул так печально, что на полмили вокруг по-

легла трава:

– Да, эти покорные, как коровы... В них нет огня...

Я махнул женщинам.

– Идите обратно. Пожалуйтесь своим господам, такие бесчинства должны строго пресекаться.

Наши кони идут ноздря в ноздрю, только конь сэра Растера поглядывает на Зайчика с таким же неудовольствием, как и его хозяин на меня. Зайчик на локоть выше, крупнее, но идет легко, словно конь Растера из чугуна, а мой – из легчайших ферросплавов.

В сэре Растере борются оскорбленная гордость, что я побрезговал ободрать его, как липку, и тайная радость, что не ободрал, из-за такой двойственности никак не решит: считать меня своим лютым врагом или же благодетелем.

Медленно выдвинулось из-за леса высокое строение, размером с башню замка, только вдвое выше и крупнее, однако не башня: те либо круглые, либо квадратные, а это как кристалл с острыми гранями.

У меня почему-то похолодели ноги, я смотрел на крепость и чувствовал, как непонятное чувство страха начинает заползать под кожу, будто смотрю в бездну. Сэр Растер коротко мазнул по ней равнодушным взглядом, так человек, незнакомый с огнестрельным оружием, может без страха заглядывать в дуло не только заряженного пистолета, но и пушки, а у меня холод разлился по внутренностям. Этот замок, если его можно назвать замком, строили явно не люди. Я не знаю,

что могут построить люди, их изобретательности нет предела... но это лишь красивая фраза, мы ограничены тем, что мы – люди, у нас людская психика, у нее есть границы... а вот это строили совсем не люди.

Сэр Растер наконец обратил внимание на мое бледное лицо, быстро огляделся по сторонам.

– Что случилось?.. Вы что-то увидели?

Я кивнул на замок. Он снова оглянулся, некоторое время всматривался, будто старался рассмотреть блеск металла на смотровой башне или в бойницах.

– Ничего не вижу, – ответил он напряженно. – Там что-то есть?

– Не знаю, – ответил я. – А что это... за сооружение?

Он сдвинул плечами.

– Никто не знает. В старых рукописях, что на самом деле лишь копии с копий древних подлинников, а то и не копии, а краткое изложение, сказано насчет серых людей, что пришли из ниоткуда и заселили этот край... Эти серые люди были и не людьми вовсе, так и сказано, но что это значит, никто не знает, потому что все-таки люди... Других источников не осталось, а все переписчики лишь толковали этот текст. Известно еще, что были войны, о которых известно только, что они были... и были жестокими, так как все либо превращалось в лаву, либо замерзал даже воздух. Потому даже о том, что там войны, узнавали от соседей...

– Интересно взглянуть бы на те записи, – сказал я задум-

чиво.

Он фыркнул:

– Вот уж больше делать вам нечего! Дела давно забытые, а людям нужно заниматься своими. Известно только, что строили не люди, хотя и люди, а нападали тоже не люди. Только другие не люди.

– Нелюди? – спросил я.

– Нет, – поправил он. – Не люди.

Солнце стремительно падает за холмы, от их верблюдьих горбов протянулись длинные угольно-черные тени. Но сами вершины холмов страшно горят золотым огнем, от них летят искры, воспаляют облака и даже парящих в небе орлов: птицы стали золотистого цвета, только кончики острых крыльев хранят черноту.

Сэр Растер поглядывал по сторонам в поисках приличной деревеньки, а я сказал гордо и надменно, надеясь от него избавиться:

– Час добрый, сэр Растер!.. Вон там виднеются домишки... Нет, вполне приличные дома. Пастух гонит стадо в село, гуси идут от пруда... Вам там будет удобно.

Он сказал с подозрением:

– Где, у пруда?

– Что вы, сэр Растер! Я имею в виду – в этом приличном селе.

Он спросил с еще большим подозрением:

– А вам неудобно?

Я осенил себя крестным знамением, что вызвало у него скептическую ухмылку.

– Нет.

– Почему?

– Я рыцарь, – напомнил я.

Он спросил угрожающе:

– А кем вы обозвали меня?

Я сказал поспешно:

– Сэр Растер, я говорю только о себе!

– Ах, только о себе? И после этого называете себя рыцарем? Да еще светлым?.. Говно вы, сэр Светлый, даже если оно светлое!

Я начинал чувствовать раздражение, проговорил мягко:

– Сэр Растер, рассчитываете отыграть свое поражение?

Он подумал, но не нашел сразу, что соврать, буркнул:

– А почему нет? В этот раз врасплох не застанете.

– Хорошо, – согласился я. – Берите копье, меч или что хотите. Так и быть, оставлю вас трупиком на расклевание. Божьим птичкам тоже надо чем-то кормиться. Орлы-стервятники – тоже божьи птичечки... Правда, на этот раз лошадку вашу уведу с собой. Надеюсь, за пару серебряных монет кому-нибудь да сбуду.

Он побагровел, ухватился за рукоять меча.

– Сэр Светлый, вы оскорбляете моего коня!.. Он обошелся мне в три золотых, когда еще был жеребенком. А сейчас обучен всем рыцарским приемам, такому коню вообще цены

нет!

Я подумал, кивнул.

– Спасибо за подсказку. Продам за четыре золотых. Понимаю, что можно и дороже, раз уж ваш конь обучен в отличие от вас всем рыцарским приемам, но не люблю базарного гама.

Он с лязгом опустил забрало, проревел, как из склепа:

– Предлагаю честный бой пешими!

– Принимаю, – ответил я.

Я соскочил первым, сказал Псу:

– Ты только зритель. Постарайся не комментировать, не кричать «бис», не бросаться бутылками. И Зайчику это скажи... Сэр Растер, я готов!

Сэр Растер слез с коня с нарочитой грузностью, хотя я уже успел заметить, что двигается он с непривычной для такого огромного тела проворностью. Для поединка я взял простой меч, Ариантов пусть пока спит в мешке, а вот щит Арианта и доспехи вряд ли смогут нанести смертельную рану противнику.

Мы сошлись в быстром и настолько стремительном бою, что я сперва ошалел: оказывается, сэр Растер всю дорогу присматривался ко мне, просчитывал мои сильные и слабые стороны и теперь стремился навязать жестокий бой на короткой дистанции.

Рассчитывая на доспехи Арианта и его щит, я сдуру согласился на ближний бой и едва не оглох от яростного зво-

на в ушах: меч сэра Растера ежесекундно высекал искры о щит, о мои плечи, бил в голову. Я страшился парировать его яростные удары мечом, ибо он того и добивался, чтобы перебить мою тростинку своей железной оглоблей.

Если бы не мои доспехи, честно, он бы уже свалил меня, окровавленного и оглушенного, но и так я шатался и отступал, торопливо подставляя под удары меча щит. Рука занемела, в голове звон, а сэр Растер яростно наступал, бил мечом, щитом, лягался, а когда мы сошлись вплотную, провел мощный удар плечом, и я, словно отброшенный грузовиком, позорно брякнулся на спину.

К счастью, сэр Растер рассчитывал сломить бешеным натиском уже в первые мгновения, а сейчас запыхался, дышит с хрипами, и я успел подняться за миг до того, как он обрушил страшный разящий удар.

Я принял на щит косо, меч скользнул и со скрипом вонзился в землю. Первый промах сэра Растера, но у меня не хватило сил им воспользоваться, а Растер тут же снова ринулся в атаку.

На этот раз я выдерживал легче, удары слабее и замедленнее, я же восстанавливаюсь быстро, наконец я прокричал:

– Сэр Растер, предлагаю сдаться!

– Это вам пора просить пощады, – прорычал он.

В голосе рыцаря слышались хрипы, он задыхался, но упрямо наступал, ибо у меня на длинной дистанции преимущество по дефолту, а так все равно отступаю, иначе он навя-

жет мне очень опасный для длиннорукого ближний бой.

Я разжигал в себе злость, наконец горячая кровь вздула вены так, что едва не проступает сквозь кожу, тело налилось новой силой, движения стали быстрее и увереннее. Выплеск адреналина едва не разорвал, как хомяка капля никотина, я перестал отступать, мы стояли друг перед другом и обменивались частыми жестокими ударами.

Сэр Растер начал пошатываться, от его щита откалывались куски дерева, металлические пластины топорщатся, а рука уже вздрагивает от моих ударов.

– Ну, – проговорил я, – сдаетесь?

Он прохрипел:

– Я могу принять вашу сдачу...

Он бросился на заплетающихся ногах в атаку, я с легкостью отступил и подставил ему ногу. Он грохнулся так, что вздрогнула земля. Я тут же оказался рядом, приставил острие меча к его забралу.

– Сдавайтесь, сэр Растер!

– Ни за что, – прохрипел он.

– Одно движение моего меча...

– Ваш меч не пролезет в щель моего забрала, – сообщил он.

Я посмотрел, да, рыцарские мечи никогда не точат до остроты бритвы, это глупо, все равно затупится и выщербится после первых же ударов. Лезвие моего меча сродни даже не топору, а колуну, которым не рубят, а раскалывают поле-

нья.

– У меня есть и кинжал, – сообщил я.

Взгляд его пробежал по моему поясу.

– Не вижу.

– Он у меня в мешке.

– Глупо, – сказал он с презрением. – Мизерикордия должна быть всегда на поясе.

– Это мой промах, – признал я.

Он хмуро посмотрел на мою протянутую руку. Я уже ожидал, что скажет что-то глупо-отважно-рыцарское, но он крепко ухватился за мои пальцы. Я испугался, что дернет на себя и свалит, а бороться с таким носорогом будет потяжелее, чем драться на мечах, однако он дал себя поднять. У меня трещал хребет и все мускулы, словно я поднимал Гималаи, но сэр Растер оказался на ногах, усталый и задыхающийся.

– Что вы с моим щитом сделали, – сказал он сварливо. – И меч выщерблен так, что... я даже не знаю! Наверное, придется перековывать.

– Зачем? – удивился я. – И щит, и меч теперь мои? Чего вам заботиться о моем благополучии?

Он насупился, буркнул:

– То вы отказываетесь взять даже коня и доспехи, то позарились на мой разбитый щит и здорово испорченный меч...

– Что делать, – ответил я легко, – думаю, без них ваш пыл несколько поугаснет.

Он фыркнул.

– Да я голыми руками разорву вас пополам, как лягушку!

– Попробуйте, – сказал я уже зло, – честно говоря, мне это уже надоело. Попробуйте, сэр Растер! На этот раз я отрублю вам, как проигравшему, обе руки.

Он посопел, рассматривая меня исподлобья. Я видел по его лицу, как соблазн вступить в схватку и разом вернуть все борется с опасением, что я и в рукопашной могу каким-то чудом победить его, признанного силача, героя, победителя множества поединков.

– Вы просто варвар, – сказал он с отвращением. – Где ваше рыцарство?

– Да, – согласился я. – Варвар. Ну и что?

Он посмотрел с недоверием.

– Что, в самом деле?

– В самом, – подтвердил я.

– И где же научились рыцарскому обращению с оружием?

– Мы, варвары, сообразительный народ, – сообщил я. – Но мы не забываем славного прошлого своего народа. И всегда можем отбросить наносную западную культуру, чтобы вернуться к славным традициям сдирания заживо кожи, насаживания противника на кол и прочих проявлений нашей древней самобытной культуры.

Его передернуло, но он не побледнел и не выказал страха, только всмотрелся в меня внимательнее.

– Варвар... гм... Тогда понятно... Как я сразу не соотнес

эту статью, этот размах плеч, даже этого коня и пса... У нас такие не водятся.

– У нас целые табуны бегают по степи, – сообщил я. – А такие собачки в каждом доме.

Он покачал головой. Лицо стало серым, я сперва подумал, что он наконец-то испугался, но увидел, как в темно-лиловом небе зажигаются звезды. Из-за холмов поднялся узкий ковшик луны, здесь его называют месяцем.

Примчался Пес, в пасти слабо трепыхается огромный гусь. Сэр Растер покосился на него с недоумением, а Пес положил гуся у моих ног и посмотрел с ожиданием.

– Ладно, – сказал я со вздохом, – можешь принести еще одного... но не больше. А то знаю тебя.

Пес унесся, сэр Растер проводил его задумчивым взглядом.

– Он что... и летать умеет?

– Он все умеет, – буркнул я.

Сэр Растер, больше не вступая в разговоры, собрал сушняк, высек огонь, и вскоре костер запылал, отодвигая тьму. Я насадил уже выпотрошенного гуся на вертел, сэр Растер с вниманием смотрел, как я устраиваю концы на рогульках.

Пес примчался довольный, в пасти бьет хвостом огромная рыбина. Я сказал раздраженно:

– Сегодня же не среда!.. Пора тебе календарь с собой носить!

Пес сконфуженно положил рыбину перед сэром Растером,

знает, как не люблю чистить рыбу, виновато поскреб хвостом землю. Растер смотрел то на меня, то на Пса, наконец осторожно взял рыбину, добил ее ударом палки по голове.

– А что, – спросил он осторожно, – он рыбу должен ловить только в среду?

– Да.

– Почему?

– Постный день, – объяснил я.

– А-а-а-а, – протянул он озадаченно.

– Язычники не знают христианских обычаев, – заметил я со скрытой ехидцей.

Он уловил, пробурчал:

– Господь делает исключение для странствующих и путешественников.

– Потому у вас вся жизнь в странствиях? – спросил я. – Очень удобно. Никакой ответственности ни перед Богом, ни перед обществом, ни перед семьей, ни перед родителями... Разве что перед конем, да и того наверняка даже не знаете, как зовут.

Глава 11

В неподвижном темном воздухе жареный гусь пахнет умопомрачительно, сэр Растер не отрывает взгляда от зарумянившейся корочки, а та на глазах коричневеет, ароматы плывут горячечные, заставляющие сердце биться чаще, желудок подпрыгивать в нетерпении, а пальцы сжиматься в кулаки.

Пес шумно вздохнул, сэр Растер сказал быстро:

– Собачка чувствует, что готово... У собак это... чутье!

– Снимайте, – согласился я, счастливый, что перетерпел этого хама и заставил его первым сдаться. – Если считаете, что сырых мест не будет... Не люблю непрожаренное мясо.

– Готово-готово, – заверил он, но снимал замедленными движениями, сейчас можно и не торопиться, подержать над раскаленными углями чуть дольше, давая розовому мясу приобрести почти белый оттенок. – Гусь хорош, молодой и сочный... Собачке вашей повезло.

– При чем здесь везенье? – удивился я. – Он выбирает именно молодых и толстых. Может быть, в прошлой жизни был поваром! У самого императора.

Сэр Растер по праву старшего, которым он воспользовался с такой бесцеремонностью, словно это он победил меня пару раз и теперь великодушно оказывает мне покровительство, разорвал гуся на части, мне протянул грудку, спасибо, себе взял лапу. Что ж, вслух если и не признается, то вот

этим жестом признал сюзереном меня, а себя поставил в вассальный ряд.

Я с наслаждением вгрызся в горячее мясо, сок потек по пальцам до самого локтя, я пытался подхватить одну струйку языком, мне можно, я же варвар, сэр Растер даже зарычал, впиваясь в ножку, словно вампир в яремную вену молодой девушки, я на миг усомнился, что человек произошел именно от обезьяны, разве что та обезьяна сумела поиметь саблезубого тигра.

Рыбу поджарили и съели напоследок: она готовится впятеро быстрее мяса, можно бы ее раньше гуся, но мы же цивилизованные, и если рыбу подают после, то и мы после. Разве что жирные пальцы вытерли о траву за неимением слуг с пышными волосами и хорошо мнущимися нарядами.

– А вина у вас нет? – поинтересовался сэр Растер.

– Какое предпочитаете? – ответил я любезно.

Он засмеялся.

– Как-то помню, разграбили мы один караван... А в нем помимо всякого добра везли еще и дюжину кувшинов какого-то редкого вина! Как мы тогда надрались... Это потом уже сожалели, когда узнали, что за каждый кувшин можно было снарядить по десять конных рыцарей и оплатить их на год вперед!

– Как вино называлось? – поинтересовался я.

– Фессалийское, вроде бы... да, фессалийское. Как вспомню...

Он сладострастно и вместе с тем горестно вздохнул, как большая лягушка в брачный период. Я молча поднялся и пошел к своему мешку, что под охраной Пса лежит под деревом. Фессалийское совершенно случайно пил недавно, вкус помню, им гордится граф Дюрангерд, в его подвалах хранится с древних времен.

В мешке помимо всего прочего три фляги, одна почти пуста, я вылил остатки воды на землю. У костра сэр Растер затянул веселую песню, слух у него, как у галапагосской черепахи, да и голос того же тембра. Я отвернулся и, сосредоточившись, начал как можно более отчетливее вспоминать вкус фессалийского, представил себе, что им наполняется фляга, отсекаю все звуки и шорохи, только вкус вина и его местоположение, я же не волшебник, который может создать вино вместе с флягой или кувшином, у меня все по-другому, опаснее, до сих пор боюсь прибегать к этому способу, хотя возможности у него еще какие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.